

ПИСЬМА М. А. АЛДАНОВА К И. А. И В. Н. БУНИНЫМ*

Письма Алданова к Буниным являются исключительно ценным материалом не только для исследователей творчества обоих писателей, но и для литературоведов, которые будут изучать жизнь русских литераторов за рубежом.

Письма М. А. Алданова написаны живо и интересно, в них виден не только автор, но и личность адресата. Как живые, встают по прочтении этих нескольких сотен писем: Марк Александрович Алданов — прекрасно образованный, умный, сдержанный, и горячий, остро чувствующий, резко на всё реагирующий Иван Алексеевич Бунин.

37 лет дружбы связывали этих столь различных по характеру людей. Алданов преклонялся перед талантом Ивана Алексеевича, помогал ему в устройстве практических дел, а Бунин поощрял его литературную деятельность и отвечал дружбой.

Если первые письма Алданова еще сравнительно сдержанны, то понемногу они становятся теплее и задушевнее, хотя, надо сказать, что с Верой Николаевной Буниной он, видимо, всегда чувствовал себя свободнее и проще, чем с Иваном Алексеевичем. Меняется и часто шутливый в первые годы тон писем, всё больше места уделяется житейским заботам. Письма раскрывают тяжелую эмигрантскую жизнь с постоянной тревогой за будущее. Наконец, письма Алданова военного и послевоенного времени уже почти исключительно посвящены стараниям помочь в материальном отношении замученному болезнями и живущему в нужде Бунину. Тут письма принимают иногда даже несколько покровительственный тон.

* Подготовка к печати этой переписки М. А. Алданова проделана доктором Эдинбургского У-та Милицей Эдуардовной Грин. РЕД.

В письмах Алданова много внимания уделено литературной эмиграции и ее жизни. Бунин, живя подолгу на юге, бывал часто отрезан от парижской литературной среды, тогда как Алданов постоянно был тесно связан с русскими политическими и литературными центрами.

В своих письмах он извещает Буниных о литературных событиях, о писательских встречах, беседах, спорах, высказывает мнения о многих современных ему писателях. У Алданова были и международные связи, он имел широкий круг знакомых не только среди русских, встречал влиятельных людей различных политических направлений. Бунину всё это было чуждо.

Интересны высказывания Алданова о литературе: и современной (как русской, так и иностранной) и классической. Иногда эти высказывания носят явно полемический характер (он любил вызвать Бунина на спор), при чем можно догадаться, какого мнения придерживался Бунин. Часто, видимо, глашатаем взглядов И. А. была Вера Николаевна — и Алданов, иногда через нее справляясь о мнении Ивана Алексеевича, охотно беседует с ней на литературные темы.

Многие из писем посвящены вопросу о Нобелевской премии. Если Алданов употреблял свои международные литературные связи, чтобы способствовать Бунину в получении Нобелевской премии, то Иван Алексеевич, став лауреатом, ежегодно, выставлял кандидатуру Алданова на эту высокую литературную награду.

Много писем посвящено деловым вопросам самого различного характера — совместным планам написать сценарий, продаже книг, переводам.

Открывается переписка письмом М. А. Алданова от 18 августа 1921, кончается письмом Вере Николаевне, написанным незадолго до смерти Марка Александровича (1 февраля 1957).

Все письма, за исключением одного, написаны по старой орфографии. Письма до сентября 1931 написаны от руки, потом, за редким исключением — на машинке. Я сохранила особенности правописания М. А. Алданова, но изменила орфографию. Подчеркивания в письмах и разбивка на машинке, сокращения — сохранены. Отметки и подчеркивания,

сделанные Буниным, отмечены в примечаниях. Пропуски в тексте писем обозначаются многоточием.

Приношу глубокую благодарность заведующему библиотекой Эдинбургского университета E. R. S. Fifoot, M. C., M. A., A. L. A., любезно предоставившему мне для работы письма М. А. Алданова к Буниным. Сердечно благодарю Татьяну Марковну Алданову, с готовностью ответившую мне на поставленные ей вопросы о жизни и творчестве М. А. Алданова, и Леонида Федоровича Зурова за сообщение интересных подробностей о жизни Буниных в Париже и Грассе.

М. Г.

1. БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД

В августе 1921 года М. А. Алданов по делам поехал в Берлин. Там он начал сотрудничать в эмигрантской газете «Голос России». И вскоре обосновался в Берлине. Но жизнь в Берлине его удручала.

После эмигрантской жизни в Париже Алданову трудно было привыкнуть к Берлину, где царила известная сумятица — некоторые эмигрантские писатели, став сменовеховцами, уезжали в Россию, а приезжавшие из России советские писатели становились эмигрантами. Алданов тяжело переживал переход в противный лагерь некоторых бывших друзей, особенно Алексея Николаевича Толстого.

О своих Берлинских впечатлениях Алданов рассказывает Буниным в письмах от 17.4.22 и 1.6.22:

«...Берлином я недоволен во всех отношениях, кроме валютного», — пишет он 17.4.22. — «Настроения здесь в русской колонии отвратительные. Я почти никого не вижу, — правда, всех видел на панихиде по Набокову. Первые мои впечатления от Берлина следующие: 1) на вокзале подошел ко мне безрукий инвалид с железным крестом и попросил милостыню, — я никогда бы не поверил, что такие вещи могут происходить в Германии, 2) в первый же день, т. е. 3 недели тому назад я зашел к Толстому, застал у него поэта-большевика Кусякова... и узнал, что А. Ник. перешел в «Накануне».¹ Я кратко ему сказал, что в наших глазах (т. е. в глазах парижан, от Вас до Керенского) он — конченный человек, и ушел. Была при

¹ Берлинская сменовеховская газета.

этом и Нат. Вас.,² к-ая защищала А. Ник. и его «новые политические взгляды», но, кажется, она очень расстроена. Сам Ал. Ник. говорил ерунду в довольно вызывающем тоне. Он на-днях в газете «Накануне» описал в ироническом тоне, как «приехавший из Парижа писатель» (т. е. я) приходил к нему и бежал от него, услышав об его участии в «Накануне», без шляпы и трости, — так был этим потрясен. Разумеется, всё это его фантазия. Вы понимаете, как сильно могли меня потрясти какие бы то ни было политические идеи Алексея Николаевича; ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, потрясающего исторического события. Мне более менее понятны и мотивы его литературной слащавщины: он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание «первого русского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее» и т. д. как полагается. Вы (И. А.) были совершенно правы в оценке личности Алексея Николаевича...³ Больше с той поры я его не видал. 3) Наконец, третье впечатление, к-ым меня в первый же день побаловал Берлин, — убийство Набокова. Я при убийстве впрочем не присутствовал. Известно ли Вам в Париже, что убийцам ежедневно в тюрьму присылают цветы неизвестные почитатели и что защитником выступает самый известный и дорогой адвокат Берлина, — к слову сказано, еврей и юрисконсульт Вильгельма II?

...Работаю здесь очень мало, большую часть дня читаю. На вечере у И. В. Гессена познакомился с Андреем Белым и со стариком В. И. Немировичем-Данченко, к-ый только что приехал из России. Жизнь здесь раза в 4 дешевле, чем в Париже...»

1 июня 1922 Алданов сообщает:

«...почти вся литература здесь приняла такой базарный характер (чего стоят один Есенин с Кусиковым), что я от литераторов — как от огня. В «Доме Искусств» не был ни разу, несмотря на письменное приглашение Минского. Не записался и в «Союз Журналистов», так что вчера не исключал Толстого.

² Жена Толстого, поэтесса Н. В. Крандиевская (скончалась в Ленинграде 17-го сентября 1963 г.).

³ См. «Третий Толстой» в «Воспоминаниях» И. А. Бунина (Париж 1950).

Кажется, сегодня состоится его шутовское выступление, о котором Вы знаете из объявлений в «Руле».⁴ Я ни Толстого, ни Горького ни разу не встречал нигде. Они здесь основывают толстый журнал. Развал здесь совершенный и после Парижа Берлинская колония представляется совершенной клоакой...»

К этой теме Алданов возвращается в письме от 26 июня 1922. Он пишет:

«...Мои наблюдения над местной русской литературной и издательской жизнью ясно показали мне, что литература на 3/4 превратилась в неприличный скандальный базар. Может быть, так, впрочем, было и прежде. За исключением Вас, Куприна, Мережковского, почти все новейшие писатели так или иначе пришли к славе или известности через скандал. У кого босяки, у кого порнография, у кого «передо мной все поэты предтечи» или «запущу в небеса ананасом» или «закрой свои бледные ноги» и т. д. Теперь скандал принял только неизмеримо более шумную и скверную форму. Вера Николаевна⁵ пишет мне, что Алексей Николаевич «дал маху». Я в этом сильно сомневаюсь. Благодаря устроенному им скандалу, у него теперь огромная известность, — его переход к большевикам отметили и немецкие и английские газеты. Русские газеты всё только о нем и пишут, при чем ругают его за направление и хвалят за талант, т. е. делают именно то, что ему более всего приятно. Его газета «Накануне» покупается сов. властью в очень большом количестве экземпляров для распространения в Сов. России (хорошо идет и здесь); а она Алексею Николаевичу ежедневно устраивает рекламу. Остальные — Есенин (о котором Минский сказал мне, что он величайший русский со времен Пушкина), Кусиков, Пильняк и др. — делают в общем то же самое. ...»

А вот (в том же письме) интересное свидетельство о находившемся тогда в Берлине, и потом уехавшем в Россию, Андрее Белом:

«...Недавно я обедал вдвоем с Андреем Белым в ресторане (до того я встретился с ним у Гессена). Он — человек очень образованный, даже ученый — из породы «горящих», при чем горел он в разговоре так, что на него смотрел весь ресторан. В общем, произвел он на меня, хотя и очень странное, но благопри-

⁴ Ежедневная эмигрантская газета.

⁵ В. Н. Бунина.

ятное впечатление, — в частности, и в политических вопросах, — большевиков, «сменовеховцев» ругал жестоко. А вот подите же: читаю в «Эпопее» и в «Гол. России» его статьи: «Всё станет ясным в 1933 году», «Человек — чело века», тонус Блока был культ Софии, дева спасет мир, был римский папа, будет римская мама (это я когда-то читал у Лейкина, но там это говорил пьяный купец) — и в каждом предложении подлежащее поставлено именно там, где его по смыслу никак нельзя было поставить. Что это такое? Заметьте, человек искренний и имеющий теперь большую славу: «Берлинер Тагеблат» пишет: «Достоевский и Белый»... В модернистской литературе он бесспорно лучший во всех отношениях. ...»

К А. Н. Толстому Алданов постоянно возвращается в своих письмах. Так в письме от 8 сентября 1922 он пишет:

«...Посылаю Вам вырезку из «Накануне» об А. Н. Толстом — она Вас позабавит. Такие заметки появляются в этой газете чуть ли не ежедневно, — вот как делается реклама. Немудрено, что Толстой, по здешним понятиям, «купается в золоте». Один Гржебин⁶ отвалил ему миллион марок (за 10 томов) и «Госиздат» тоже что-то очень много марок (за издание в России). Алексей Николаевич, по слухам, неразлучен с Горьким, который, должен сказать, ведет себя здесь с гораздо большим достоинством, чем Толстой и его шайка. Я по прежнему их не вижу...»

В письме от 12 ноября 1922:

«...Едва ли нужно говорить, как я понимаю и сочувствую настроению Вашего письма. Знаю, что Вас большевики озолотили бы, — если бы Вы к ним обратились (Толстой, которого встретил недавно Полонский,⁷ говорил ему, что Госиздат купил у него 150 листов — кстати, уже раньше проданного Гржебину — и платит золотом). Знаю также, что Вы умрете с голоду, но ни на какие компромиссы не пойдете. Знаю, наконец, что это с уверенностью можно сказать лишь об очень немногих эмигрантах. ...»

Наконец, в письме от 5 августа 1923 года Алданов извещает Бунина:

«...Толстые уехали окончательно в Россию... Так я ни разу

⁶ Известный русский издатель, издававший тогда в Берлине.

⁷ Муж сестры М. А. Алданова, Я. Б. Полонский.

их в Берлине и не видел. Слышал стороной, что милостью их не пользуюсь. ...»

В конце 1922 года из России была, как известно выслана группа ученых, политических деятелей и литераторов. О них Алданов говорит в письме от 12 ноября 1922 года:

«...Вижу лиц, высланных из Сов. России: Мякотина (он настроен чрезвычайно мрачно — вроде Вас), Мельгунова, Степуна. Вчера Степун читал у Гессена недавно написанный им роман в письмах. Видел там Юшкевича, который Вам очень кланялся. Не так давно был у Элькина, познакомился там с Бор. Зайцевым; он собирается в Италию, да, кажется, денег не хватает. Был у меня Наживин — я его представлял себе иначе...»

В марте 1923 года Алданов принял должность редактора литературного воскресного приложения к газете «Дни».⁸ Одним из политических редакторов этой газеты был А. Керенский, что делало сотрудничество в этой газете неприемлемым для Бунина, по политическим мотивам. Алданов это отлично понимал. В связи с этим он пишет (письмо от 25 марта 1923 года):

«...Знаю, что звать Вас в сотрудники не приходится, — Вы не пойдете, правда? Но очень прошу давать мне сведения о себе для отдела «В кругах писателей и ученых». ... Пожалуйста сообщите, над чем работаете, а также, какие Ваши книги переведены на иностранные языки. Если Вам не трудно, передайте ту же мою просьбу и друзьям — писателям и ученым. Думаю, что бесполезно звать в сотрудники «Дней» Алекс. Ивановича⁹ или Мережковских. Для них Керенский... неприемлем, как и для Вас. Но Бальмонт, быть может, согласится...».

Просьбу Алданова дать для газеты сведения о писателях, вероятно, исполнила Вера Николаевна, т. к. среди писем есть письмо без даты, написанное, вероятно, вскоре после цитированного. В нем Алданов, между прочим, пишет Вере Николаевне:

«...Вас особенно благодарю за милое письмо Ваше, — я его прочел три раза, так и «окунулся в мир парижских писателей ... Шмелева я очень мало знаю, раза два с ним здесь

⁸ Ежедневная эмигрантская газета социалистического направления.

⁹ А. И. Куприн.

встретился; мало знаю его и как писателя. Зайцевых, которые скоро у Вас будут, знаю гораздо лучше, — мы с ними виделись неоднократно ... Бор. Константинович ... у нас здесь даже клуб писателей основал, где происходили чтения; не мешает завести это и в Париже, — теперь там будет особенно много «литераторов». А что Куприн? Я ему писал полгода тому назад и не получил ответа. ... О здешних писателях ничего не могу Вам сказать, кроме того, что большинство из них нуждается. Белый пьянствует, Ремизов голодает, ибо его книги не расходятся. Я вижу их мало. В частном быту очень хорошее впечатление производит П. Н. Муратов ... Степун живет в Фрейбурге (там же и Горький), но скоро сюда возвращается. ... Ради Бога, сообщите совершенно без стеснения, что скажет И. А. о «Термидоре», — могу Вас клятвенно уверить, что я, в отличие от Бальмонта, не рассматриваю свое «творчество», как молитву ...»

Отзыв Бунина о «Девятом Термидоре» Алданова был, видимо, очень лестный, т. к. 9 января 1924 года Алданов пишет Бунину:

«...Не могу сказать Вам, как меня обрадовало и растрогало Ваше письмо. Вот не ожидал! Делаю поправку не на Вашу способность к комплиентам (знаю давно, что ее у Вас нет), а на Ваше расположение ко мне (за которое тоже сердечно Вам благодарен), — и всё-таки очень, очень горд тем, что Вы сказали. ...»

Жизнь в Берлине становилась всё тяжелее, и понятно, что много внимания Алданов уделяет в письмах финансовым вопросам и положению книжного рынка.

В письме от 9 марта 1923 года он пишет:

«... Переводы на «высоковалютные языки» для нас спасение. ... обещали навести справки о том, как устраиваются скандинавские и голландские переводы. Всё, что узнаю, я немедленно Вам сообщу. О Франции и об Англии, очевидно, Вам хлопотать не приходится. ... Здесь книжное дело переживает страшный кризис. Поднятие марки разорило дельцов и цены растут на всё с каждым днем. Никакие книги (русские) не идут и покупают их издатели теперь крайне неохотно...»

В связи с ухудшением жизненных условий, начался отъезд русских эмигрантов из Берлина. В письме от 5 августа 1923 года Алданов пишет:

«...Предстоит очень тяжелая зима. Боюсь, что придется от-

сюда бежать, — не хочу быть ни первой, ни последней крысой, покидающей корабль, который не то, что идет ко дну, но во всяком случае находится в трагическом положении. Немцам не до гостей. Куда же тогда ехать? Разумеется, в Париж. Но чем там жить? Это впрочем Вам всё известно. Вероятно, и Вам живется невесело...»

Вере Николаевне Алданов пишет (22.8.23):

«...Жаль, что об И. А. Вы только и сообщаете: пишет, — без всяких других указаний. Слава Богу, что пишет. Особенно порадовало меня, что и И. А. и Вы настроены хорошо, — я так отвык от этого в Берлине. Здесь не жизнь, а каторга... Печата- нье книг здесь почти прекратилось ... и мне очень хочется убе- дить какое-нибудь издательство из более близких («Ватагу»)¹⁰ перенести дело в Париж и пригласить меня руководителем. ... Но это вилами по воде писано. Ничего другого придумать не могу. А то еще можно поехать в Прагу, но получать стипендию я не согласен, да и жизнь в Праге мне нисколько не улыбается. Отсюда все бегут. Зайцевы уезжают в Италию, туда же, ка- жется, собирается Муратов, кое-кто уехал в Чехо-Словакию. Читаете ли Вы «Дни»? Если читаете, то Вам известно, что здесь творится...»

Письмо от 26.9.23:

«...Отсюда много писателей едет в Париж — Юшкевич, Осоргин, Ходасевич, Поляков, — чем они все будут там жить? Тэффи уже давно в Париже. ... Здесь в Берлине жизнь стано- вится всё тяжелее. ...»

В ноябре 1923 года Бунины из Грасса приехали в Париж, и Алданов решил поехать в Париж на разведку «выяснить нет ли какой-либо приличной работы или даже службы», т. к. «оста- ваться здесь не имеет никакого больше смысла» (29 ноября 1923).

В январе 1924 года Бунин устроил в Париже вечер.

«О триумфе Вашем (пишет Алданов 9 января 1924 года): (без поставленных в Вашем письме кавычек) я узнал из ста- тей в «Руле» и в «Днях» — надеюсь, что Вы видели напечатан- ное у нас письмо Даманской (А. Мерич) ... Надолго ли попра- вил вечер Ваши дела? ...»

Это последнее письмо Алданова из Берлина. В начале 1924

¹⁰ Во главе «Ватаги» стояли Полнер, Мякотин, Мельгунов.

года он переселился в Париж и сложил с себя редакторские обязанности в «Днях», которые перенял В. М. Зензинов. Сотрудничать же в «Днях» Алданов продолжал, живя в Париже.

2. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

В 1922 году в русских литературных кругах Парижа был поднят вопрос о том, что было бы чрезвычайно важно, чтобы Нобелевская премия была присуждена русскому эмигрантскому писателю. Выдвигали кандидатуры академика И. А. Бунина, Д. С. Мережковского и А. И. Куприна. М. А. Алданов, пользуясь своими международными литературными связями, принимал в этом деле живейшее участие. В частности он написал письмо Ромэну Роллану, от которого получил следующий ответ:¹¹

“Cher Monsieur,

Certes, j'admire Ivan Bounine. Je le regarde comme un des plus grands artistes de notre temps.

Je serais tout disposé à appuyer la candidature de M. Bounine au prix Nobel, — *mais non pas de Bounine avec Merejkovsky...*¹² qui a fait de son art un instrument de la haine politique — ce qui n'est pas le cas de M. Bounine (à moins que je n'ignore certains de ces écrits).

J'ajoute que je subordonnerais mon intervention pour M. Bounine à la certitude que Gorki ne désirerait pas que sa candidature fut posée. Car si le nom de Gorki entrait en ligne, c'est pour lui avant tout que je voterais. Et rien ne me plairait tant que de voir, en une même candidature, associés les deux noms de Bounine et de Gorki, le serait vraiment la preuve que la politique n'est pas ici en jeu — ce qui n'est pas absolument le cas, permettez-moi de vous le dire, pour la trinité: Bounine, Kouprine, Merejkovsky. Je sais, d'ailleurs, en quelle estime Gorki tient Bounine; il me l'a récemment écrit, en le jugeant le plus grand talent des lettres russes, à l'heure actuelle”.

Алданов стоял за совместную кандидатуру Бунина, Куприна и Мережковского, Горький в его расчеты вовсе не входил:

«... Согласитесь, — пишет он Бунину в том же письме от 18-го июня 1922 г., — что ответ его ставит нас в довольно щекотливое положение. С одной стороны для Вас он имеет огром-

¹¹ Выписка из письма Роллана приведена в письме Алданова Бунину от 18 июня 1922 года.

¹² Подчеркнуто в письме Р. Роллана.

ное благоприятное значение, — Р. Роллан чрезвычайно влиятельный человек. С другой стороны — его условия! ... Я писал Вам в последнем письме, что по слухам Горький выставляет свою кандидатуру. Вы, к сожалению, до сих пор не известили меня, заявлена ли официально (Акад. Группой) Ваша или Ваши кандидатуры.

Мой совет: авторитетный русский орган (Комитет помощи писателям или Акад. группа) должен выставить Вашу тройную кандидатуру. Затем, «в честном соревновании» Вы и Дм. Серг. и Алекс. Иванович заручаетесь каждый поддержкой тех лиц, которые Вам представляются полезными. Р. Роллан, напр., будет поддерживать Вас, а Клод-Фаррер — Мережковского и т. д. Бог и жюри решат...»

И дальше в том же письме:

« ... С. Л. Поляков вчера по делам уехал в Копенгаген. Он дал мне слово, что лично зайдет к Брандесу,¹³ с которым он знаком, и поговорит с ним о Вашей кандидатуре. О результатах он Вас известит.

Напишите, пожалуйста, в каком положении всё это дело у Вас, у Мережковского, у Куприна. Я стою за fair play ...»

Бунина, видимо, сердили и раздражали планы тройной кандидатуры. В письме от 15-го августа 1922 Алданов поясняет:

« ... По поводу предложения моего, касающегося Нобелевской премии, напоминаю, что я никогда не предлагал ходатайствовать о присуждении премии какому-то коллективу. Кто выдумал коллектив, не знаю (напишите). Я предлагаю совместную кандидатуру трех писателей, главным образом по той причине, что думал и продолжаю думать, что единоличная кандидатура (какая бы то ни было) имеет гораздо меньше шансов на успех, — и у шведов, и у тех органов, которые ее должны выставить. Три писателя это не коллектив, — и вместе с тем это как бы *hommage* русской литературе, еще никогда Нобелевской премии не получавшей, а имеющей, казалось бы, право. Вдобавок, и политический оттенок такой кандидатуры наиболее, по моему выигрышный: выставляются имена трех знаменитых писателей, объединенных в политическом отношении только тем, что они все трое изгнаны из своей страны правительством, за-

¹³ Датский писатель и литературовед, много писавший о России и русской литературе.

душившим печать. Под таким соусом против нее будет трудно возражать самым «передовым» авторитетам. А ведь политический оттенок в данном случае особенно важен: из-за него же едва не был провален Ан. Франс. Шведский посланник сообщает, что можно выставить только двойную кандидатуру. Так ли это? Нобелевская премия по физике была как-то присуждена трем лицам... Но если это так, то как по Вашему, лучше поступить? По моему, Вашу тройную кандидатуру должны были официально выставить в письме на имя жюри (с копией шведскому посланнику) Чайковский¹⁴ от имени нашего комитета (и президент французской секции к-та) — после чего (или одновременно с чем) должны быть пущены в ход все явные и тайные пружины и использованы все явные и закулисные влияния. На Вашей тройной кандидатуре К-т, конечно, остановился бы единогласно (особенно если б Вы согласились на отчисление известного процента в его пользу в случае успеха, — иначе могут сказать, что это не дело Комитета). Но если будет речь только об одном писателе, то боюсь, единогласия не добьетесь. А я не вижу, кто другой (кроме К-та) мог бы официально предложить русскую кандидатуру. Вслед за нашим Комитетом это, по моему, должна сделать Академическая группа. Нужны ли также Комитеты журналистов, — не знаю. Как по Вашему? Если Вы находите, что чем больше будет коллективных выступлений в пользу Вашей кандидатуры, тем лучше — напишите. ... Но, повторяю, необходимое условие — чтобы не было разнобоя. Поэтому, по моему, надо опять запросить шведского посланника: объяснить, что насчет коллектива вышла ошибка, — и спросить, возможна ли тройная кандидатура. Если же невозможна, тогда, ничего не поделаешь, необходимо сделать выбор. Возможен ли добровольный отказ наименее честолюбивого кандидата, если два других примут формальное обязательство выплатить ему, в случае успеха, третью часть премии? Думаю, что это едва ли возможно.

Если отпадет тройная кандидатура и Вы выставите единолично Вашу собственную и если Комитет не найдет возможным официально обратиться в Стокгольм, то, по моему, лучше всего сделать так. Пусть Р. Роллан, как нобелевский лауре-

¹⁴ Н. В. Чайковский, председатель парижского комитета писателей, известный политический деятель.

ат, предложит Вас в качестве кандидата Стокгольмскому жюри. Если хотите, попросить его (т. е. Р. Роллана) об этом могу и я. Но насколько мне известно ... Р. Роллан нашел мою книгу о Ленине слишком реакционной, и едва ли я пользуюсь его милостью. ... Говорю откровенно, — при нескольких русских кандидатах провал почти обеспечен ... Со своей стороны обещаю сделать всё возможное для успеха. Как только вернусь в Берлин (дней через 10-12) поведу соответствующую агитацию. ... Из немцев я уже кое с кем говорил: сочувствуют. Между прочим, они интересовались, как Вы относитесь к Германии и к Польше (поляки здесь пользуются такими симпатиями, которых даже евреи не возбуждают в Сов. России). Должен сказать, что от немцев зависит очень многое: Швеция в культурном отношении всецело подчинена Германии, — и из французов, как Вы знаете, получили в последние годы Нобелевскую премию только «германофилы» Р. Роллан и Ан. Франс, которых поддерживали и немцы. Поэтому воздержитесь, дорогой Иван Алексеевич, не ругайте Гауптмана, — Выши статьи могут быть ему переведены.¹⁵

Послали ли Вы Ваши книги в шведские и датские газеты? Не мешало бы послать экземпляр с надписью Георгу Брандесу. ...»

Из последующих писем ясно, что Алданов энергично взялся за подготовку русской кандидатуры на Нобелевскую премию.

В письме от 8 сентября 1922:

« ... Не хотел отвечать Вам до разговора с С. Л. Поляковым, которого я повидал только вчера ... Сол. Львович обещал принять со мной деятельное участие в агитации о Нобелевской премии. Мы условились, что он будет писать об этом деле в «Берлинер Тагеблат», а я ... в «Фоссише Цейтунг». Это две самые влиятельные газеты в Германии. Кроме того Поляков напишет Георгу Брандесу, с которым он был хорошо знаком, а я — Ром. Роллану ... На заседании Союза журналистов мы можем поднять вопрос; но, по моему, Берлинский союз журналистов сам по себе недостаточно авторитетен и лучше годится на подмогу Русской Академической Группе (получили ли Вы ее согласие?) Сообщите также, желаете ли Вы, чтобы заметки о премии появились в местных русских газетах? Письмо Роллана к Вам,

¹⁵ Эта фраза подчеркнута карандашом, вероятно, Буниным.

как Вы знаете, полностью появилось в «Новостях Литературы» ...»

В письме от 12 ноября 1922 г. Алданов продолжает:

«... От Р. Роллана еще не получил ответа. Его переводчица уверяет, что он путешествует и скрывает свой адрес. В «Фоссише Цейтунг» были о Вас и о Вашей кандидатуре на премию Нобеля 2 заметки, — одна довольно большая и сочувственная. Я просил Элькина, к-ый имеет связь с редакцией, переслать Вам номера газеты. Давно уже не видел Полякова и не знаю, удалось ли ему сделать что-либо в «Берлинер Тагеблат» и у Брандеса. ... Работа эта по подготовке русской кандидатуры долгая и нелегкая. Но я всё-таки надеюсь, что рано или поздно она увенчается успехом ... Говорят, будто кто-то выдвинул кандидатуру Горького, но я толком об этом ничего не мог узнать ...»

Несмотря на явное недовольство Бунина, Алданов остается верен своей идее и продолжает отдавать предпочтение совместной тройной кандидатуре; в особенности интересуется его Мережковский:

«...Ваши шансы получить премию, — пишет он в письме от 4 декабря 1922 г.: — если не в ближайший год, то в следующий, по моему, значительны: «конъюнктура» благоприятна и слава Ваша в Европе растет и будет расти с каждым месяцем... правда, то же можно сказать и о Дм. Серг. Поэтому я продолжаю думать, что тройная кандидатура лучше и вернее единоличной. Но что же поделаешь? ...»

Бунина, повидимому, задело это письмо и, вероятно, возмутило напоминание о Мережковском, т. к. в следующем письме Алданов оправдывается (11 декабря 1922):

«... О славе Вашей я писал, поверьте, без всякого «глумления». У Вас теперь в Европе немалая, так сказать, количественно и очень большая качественно известность. ...»

Ромэн Роллан выставил кандидатуру Бунина, о чем известил последнего. Алданов доволен:

«... Ваша кандидатура заявлена и заявлена человеком чрезвычайно уважаемым во всем мире. Теперь нужно, по моему, всячески пропагандировать Ваше имя в видных журналах и газетах Запада. ... О кандидатуре Горького я больше не слышал. Он живет под Берлином, редактирует издания Гржебина: по слухам, здоровье его плохо.

А что Д. С.¹⁶ ... Успешны ли его хлопоты? ...»

О шансах Мережковского и Куприна справляется Алданов и в одном из следующих писем (19 января 1923). Он усиленно хлопочет по поводу Нобелевской премии, запрашивает Бунина, сообщить ли о его кандидатуре в газеты, ведь «Горький, вероятно, и так знает о ней от Р. Роллана» (19 января 1923), обещает позаботиться о том, чтобы статьи о Бунине появились в немецких и скандинавских органах печати, сообщает о том, что Поляков будет хлопотать «у влиятельных людей» в Швеции (письмо от 9 марта 1923), извещает, что статью о Бунине общего характера склонен написать Ганс Форст, «известный всей Германии литератор, специалист по России и по русской душе» (письмо от 25 марта 1923 года).

Но мысль о тройной кандидатуре не дает Алданову покоя, и к этому вопросу он возвращается в письме от 10 апреля 1923:

«... По поводу Нобелевской премии. Я узнал от людей, видящих Горького, что он выставил свою кандидатуру на премию Нобеля. Об этом уже давно говорят — и не скрою от Вас, и немцы и русские, с к-ыми мне приходилось разговаривать, считают его кандидатуру чрезвычайно серьезной. Многие не сомневаются в том, что премию получит именно он. Я не так в этом уверен, далеко не так, и думаю вообще, что премия это совершенная лотерея ... но всё-таки бесспорно шансы Горького очень велики. Поэтому еще раз ото всей души советую Вам, Мережковскому и Куприну объединить кандидатуры, — дабы Ваша общая (тройная, а не «коллективная») кандидатура была рассматриваема, как русская национальная кандидатура (я навел справку, случаи разделения Нобелевской премии между 2 и 3 лицами уже были). При этом условии, я уверен, все русские эмигрантские течения и газеты (разумеется, кроме «Накануне») и большая часть иностранной прессы будут Вас поддерживать, а шведское жюри должно будет выбирать между одной не-большевистской и другой, большевистской кандидатурой. По моему (и не только по моему) это чрезвычайно повысит шансы. И каждому из Вас в случае успеха придется до 200 тыс. франков, — т. е. материальная независимость. При нескольких же одновременных кандидатурах

¹⁶ Д. С. Мережковский.

шансы Горького, боюсь, увеличиваются чрезвычайно. Подумайте, дорогой Иван Алексеевич, попробуйте поговорить с Дм. Серг. и с Алекс. Иван., — которым я думаю об этом тоже написать, — и ради Бога постарайтесь достигнуть соглашения. Будет крайне неприятно, если премию получит Горький. ...»

Вероятно, Алданов был прав — тройная кандидатура повысила бы шансы на получение премии эмигрантскими писателями, но с другой стороны удивительно, как плохо знал Марк Александрович характер Бунина, если предлагал ему поговорить об общей кандидатуре с Мережковским и Куприным. Призыв Алданова, конечно, не увенчался успехом и после этого Алданов перестает писать о Нобелевской премии. Только осенью того же года (26.9.23) он кратко спрашивает:

«...А что Нобелевская премия? Решение приближается. Говорят, имеет большие шансы немецкая кандидатура (Арно Гольца), но говорят и о русской кандидатуре (Вашей, Д. С-ча и Горького) — здесь чистая лотерея. ...»

Однако, предсказания Алданова не оправдались — ни немцы, ни русские Нобелевской премии в том году не получили. Она была присуждена ирландскому поэту В. Б. Йэтсу.

На этом упоминания о возможности получения Буниным Нобелевской премии временно кончаются и возобновляются только в тридцатых годах.

II. ДОВОЕННАЯ ФРАНЦИЯ

1. АЛДАНОВ О СЕБЕ И О БУНИНЕ

Весной 1924 года Алданов переехал во Францию и временно поселился в квартире Буниных, которые, наняв виллу в Грассе, большую часть года стали проводить на юге. В ноябре 1924 года Алданов нашел квартиру и обосновался в Париже. Он продолжал сотрудничать в «Днях», а после того, как редакция «Дней» была переведена в Париж, стал опять редактором (совместно с Ходасевичем) литературного отдела. В январе 1928 года Алданов, в знак протеста против решения газеты напечатать дневник Вырубовой, сложил с себя обязанности редактора литературного отдела — «... я нахожу невозможным печатать столь грязную литературу...» — написал он Бунину 12-го января 1928.

Характер переписки этого периода несколько меняется.

По прежнему много места уделено литературной среде, как таковой, но значительно чаще Алданов говорит о литературных произведениях, как своих, так и чужих. Это был период подъема в творчестве обоих писателей. Многие лучшие произведения Бунина были созданы им именно в эти годы, на юге Франции. А Алданов несмотря на постоянные «угрозы» бросить литературу, в этот период был исключительно продуктивен. Впечатление создается такое, что Бунин о работе над своими вещами мало пишет Алданову, тогда как последний, правда вкратце, но всё время извещает Бунина о том, над чем работает и говорит о своих литературных планах. Алданов очень считался с мнением Бунина и явно радовался его положительным отзывам. Сам он быстро реагировал на появляющиеся в печати вещи Бунина, но никогда не разбирает их в письмах и осторожно ограничивался кратким высказыванием мнения.

По письмам можно проследить литературную работу Алданова этого периода.

13 ноября 1924 он сообщает: «...Я всё занят «Чортовым Мостом», больше читаю, чем пишу».

18 июля 1925: «...Кончаю первый том «Чортова Моста», — выйдет в октябре. Второй том, по требованию издательства, придется, вероятно, назвать иначе, так что трилогия превратится в «тетралогию». Вижу отсюда Вашу улыбку убийцы. Но что поделаешь! В «Ч. Мосте» будет около 600 стр., в одном томе не издашь. А если поставить на обложке том 1-ый, никто в руки не возьмет. ...»

В августе того же года Алданов ездил в Швейцарию, чтобы восстановить в памяти «Чортов Мост», которого «не видел ровно 20 лет», а через месяц (27 сентября 1925) он извещает Бунина, что кончил «Чортов Мост». Еще через год он сообщает: «...через полгода кончу, надеюсь, «Заговор» (черновики давно кончены)...»

16 июня 1927 пишет: — «...Роман — а с ним всю тетралогию — с Божьей помощью кончил и отослал «Слову». Теперь я свободный художник...» Но недолго оставался он свободным, уже 21 июля 1927 он пишет: — «...Что я пишу роман («Ключ», отрывок из к-го Вы в «Днях» когда-то прочли и, к моей радости, одобрили) — это события не составляет. А вот ходят слухи, что Вы пишете — и даже будто бы кончаете — роман, — это и событие, и огромная радость. ...»

Через полгода (7 января 1928) опять упоминание о «Ключе» — («...Работаю над «Ключем» и над проклятыми статьями...»), а в письме от 21 сентября 1928 недоверчивая благодарность за отзыв о нем Бунина: — «...Спасибо за доброе слово о «Ключе» (хоть, кайтесь, Вы не читали: я знаю, что Вы терпеть не можете читать романы по частям)...»

Всё чаще встречаются жалобы на тяжелое душевное состояние, на безденежье, на то, что литературная работа надоела — «...похвала почти никакого удовольствия не доставляет, (жалуется он в письме от 7 января 1928) а дурные отзывы, хотя бы в пустяках, расстраивают, — признак особого, писательского, душевного расстройства. ...» Или в письме Вере Николаевне от 17 июля 1929: — «...Настроение мое изменит или могила, или свобода (т. е. в настоящей обстановке миллион франков состояния)... Это не значит, что я целые дни плачу. Напротив, много выхожу. ...» А вот интересное признание в письме к В. Н. от 28 сентября 1931: «...Очень Вам завидую, что Вы верующая. Я всё больше научные и философские книги читаю. ...»

2 декабря 1928 года Алданов пишет: «...Работа моя подвигается плохо. Не могу Вам сказать, как мне надоело писать книги. Ах, отчего я беден, — нет, нет справедливости: очень нас всех судьба обидела, — нельзя так жить, не имея запаса на 2 месяца жизни...» 17 января 1929: «...Подумываю и о хими, и о кафедре в Америке — ей Богу!» Наконец, 28 августа 1929 года он сообщает, что наднях кончит «Ключ», а через месяц пишет: «...‘Ключ’ (т. е. первый том) кончил.. Теперь займусь, вероятно, «Жизнью Достоевского», хоть очень утомлен. ...»

Эту вещь он бросил, о чем 4 ноября 1929 известил Бунина: «... От ‘Достоевского’ я, потратив много труда, времени и даже денег (на книги), окончательно отказался: не лежит у меня душа к Достоевскому¹ и не могу ничего путного о нем сказать...»

Вместо «Достоевского» Алданов взялся за пьесу «Линия Брунгильды». 21 ноября 1929 он сообщает: «...Я, так и есть, пишу пьесу! Не знаю, напишу ли (скорее брошу...). На собственном опыте убедился, что театр — грубый жанр: пишу всё время с чувством мучительной неловкости, — всё надо огруб-

¹ В нелюбви к Достоевскому Алданов сходил с Буниным.

лять, иначе со сцены звучало бы совершенно бессмысленно...»

20 декабря он пишет Вере Николаевне: «...Сейчас я занят исключительно пьесой. Если не допишу или нельзя будет поставить (печатать незачем и неинтересно), то буду жестоко разочарован. В общем убедился, какой грубый жанр театр, — перечел множество знаменитых пьес, включая нелепого Ибсеновского «Штокмана», который когда-то всем (и мне) так нравился. ...»

О своих литературных планах Алданов говорит и в письме Вере Николаевне от 17 января 1930: «...Решил весь 1930 год уделить роману и пьесе. Для «Посл. Нов.» пишу статьи об Азефе! Задумал... ряд газетных статей: низы и верхи. В качестве первого «низа» беру Азефа, как величайшего злодея. Первым «верхом» хочу взять Гёте. Но для этого надо поехать в Веймар... всё жду денег... Проклятые издатели, проклятая жизнь!...»

За весь 1930 год, однако, упоминаний о литературной работе в письмах больше нет. Только в письме от 16 января опять краткое сообщение: «...Занят всё «Бегством» да еще писал рецензии (для «С. З.»²). Написал о Мережковском, — Вы будете ругать, что слишком лестно. ...»

В письме от 21 февраля 1931, с обращением «Дорогие бельведерцы», Алданов благодарит всех³ за лестные отзывы об очередном отрывке «Бегства»; напечатанном в «Современных Записках», и пишет: «... Отзывом Вашим, дорогой Иван Алексеевич, особенно тронут и ценю его чрезвычайно, — лишь бы только Вы не «разочаровались». Но если б Вы знали, как литература мне надоела и как тяготит меня то, что надо писать, писать — иначе останешься на улице (а, может быть, останемся всё равно, даже продолжая писать). «Бегство» я надеюсь месяца через 2-3 кончить, — начал писать (и печатать в «Днях») «Ключ» больше семи лет тому назад. В газеты я полтора года ничего (кроме «заказов») не давал, — только отрывки из беллетристики, вследствие чего из этих отрывков образовалась книга («10 симф.»), которая наднях появится. Но что же дальше?..»

² «Современные записки».

³ В это время на вилле Бельведер в Грассе, кроме Буниных, жили Г. Н. Кузнецова и Л. Ф. Зуров.

В письме от 5 апреля 1931 Алданов опять упоминает о пьесе: «...Пьесу мою нигде что то не ставят,⁴ так что богачем едва ли стану. Даром только потерял в прошлом году три месяца. ...»

А 25 апреля 1931: «...Я скоро кончу «Бегство». Что же делать тогда? Дайте совет (знаю, что не можете, так говорю). ...»

Но что делать Алданов решил сам — задумал было роман из эпохи 17-го века, но скоро от этого замысла отказался: «...Романа из эпохи 17-го века я писать не буду, — только потратил время на чтение множества книг: убедился, что почти невозможно проникнуть в психологию людей того времени. Дальше конца 18 века идти, по-моему, нельзя. Не знаю, буду ли вообще писать роман, но если нужда заставит... то буду писать 'современный'. ...»

Но и эти замыслы не осуществились, Алданов стал писать труд по химии, а также продолжать работать над романом «Пещера» — («...кажется, я надоел всем — пишет Алданов Вере Николаевне 14 июня 1932 — и отлично знаю, что это участь каждого писателя. ...»). В следующем письме ей, от 11 июля 1932 опять горькие жалобы: «...Мне литература (т. е. моя) ничего больше, кроме огорчений, не доставляет, — это относится ко всему, от 'восторга творчества' до 'опечаток'. ...»

В это время он работает над «Пещерой», которую надеется закончить в 1933 году, «а с ней и всю трилогию, а с ней и свою деятельность романиста» — «...по окончании «Пещеры», перейду на химию. ...»

1 июля 1933 в письме к Вере Николаевне Алданов опять говорит о прекращении деятельности романиста: «...Я сейчас завален работой: проклятые статьи. Роман пока оставил. Помните, я Вам писал, что он выйдет двумя выпусками. Первый я уже сдал...; что до второго, с которым кончится и вся эта штука, и моя деятельность романиста, то едва ли я его кончу раньше, как к лету будущего года...»

Сравнительно редко пишет Алданов о содержании или персонажах своих вещей. Есть одно упоминание о героине «Ключа», («...Еще раз сердечно Вас благодарю за то, что на-

⁴ Пьеса «Линия Брунгильды» была поставлена в русском театре в Париже.

писали о Мусе, — пишет он Вере Николаевне 15 октября 1932, — «она — моя любимица среди действующих лиц моих романов.»), а 5 мая 1934 он, видимо, отвечая на вопрос Веры Николаевны, пишет:

«...В моей «Пещере»... Брауна спрашивают: «на что Вы ориентируетесь?» Он отвечает: «на пэр Лашэз». И это единственное, что в нем автобиографично. ...»

Часты упоминания о переводах его книг на иностранные языки, о рецензиях на них, иногда полушутливые. Так 12 сентября 1934 он пишет Вере Николаевне, что прочел в рижской газете «Сегодня» отзыв П. Пильского о своей книге статей. «...Отзыв любезный, кончается же словами: «И на солнце бывают пятна. Это пятнышки». Пятно в том, что у меня в статье о госпоже Сталь есть выражение «Дамы чинились», а это может показаться производным от слова «починка»! — Это меня позабавило: Пильский не заметил, что тут у меня не мои слова, а цитата с четвертой страницы Пушкинского «Рославлева»!!! Очень горжусь тем, что пятно на моем солнце оказалось принадлежащим Пушкину. ...»

20 января 1935 года Алданов пишет Вере Николаевне, что наднях кончает «Пещеру» — «...работал над этой трилогией ровно 10 лет». А 14 февраля 1935 пишет Ивану Алексеевичу: «...Похвалы Ваши (искренне ими тронут, со всеми поправками на Ваше расположение) пришли, так сказать во время: конечно моя деятельность романиста и Бог с ней. ...» Действительно, окончив трилогию, Алданов взялся за труд по химии — «лучшее мое произведение», пишет он о своей работе 31 марта 1936.

Но не только о своих вещах говорит Алданов в письмах к Буниным, часты в них и упоминания о появляющихся в печати произведениях Бунина. Правда и здесь Алданов краток.

«...Очаровала меня первая часть «Митиной любви» (пишет он 30 марта 1925 года); второй — я так и не видел. Счастливый же Вы человек, если в 54 года можете так описывать любовь. Но независимо от этого, это одна из лучших Ваших вещей! (а «Петлистые уши» — на зло Вам! — всё-таки еще лучше). Некоторые страницы совершенно изумительны. Пишите, дорогой Иван Алексеевич, грех Вам не писать, когда Вам Бог (пишу фигурально, так как я — «мерзавец-атеист») послал такой талант!..»

18 июля 1925 он добавляет к сказанному: «...Вторую часть «Митиной любви» прочел тоже с наслаждением. Вещь эта всем очень (не очень, а чрезвычайно) нравится, — но я — не без удовольствия слышал от Ваших горячих почитателей, что в «Митиной любви» сильно влияние Л. Толстого. Не всё же меня этим влиянием попрекать!...»

5 сентября 1925 Алданов сообщает, что видел французское издание «Митиной любви». — «...Жду от него для Вас блестящих результатов, даже и в материальном отношении... Одно только: решительно неудачна эта фраза (во всех, кажется, издательских объявлениях и заметках в печати) о том, что Горький назвал Бунина лучшим русским стилистом. Во-первых, Вам по Вашему рангу и взглядам не пристало выходить с какой бы то ни было аттестацией Горького; во-вторых, покупатель подумает, что красота стиля в переводе ускользает и, если это у Бунина главное, то пусть читают его русские. ...»

Для отношения Алданова к Горькому, в особенности после опубликования его знаменитого письма о Дзержинском, характерно следующее замечание в письме Алданова от 21 июля 1927: «...Разумеется, я... решил отказаться от участия в сборнике — как и Вы, с Горьким я печататься рядышком не намерен. ...»

Когда осенью 1927 года Иван Алексеевич ушел из «Возрождения»,⁵ Алданов пригласил его сотрудничать в «Последних Новостях».

«...Ваш уход из «Возрождения» (пишет он 3 сентября 1927) — конечно, ухудшил чувствительно Ваше материальное положение?... «Последние Новости» были бы чрезвычайно рады печатать Вашу беллетристику и Ваши стихи (вероятно, и Ваши воспоминания — как о Толстом, — одним словом, всё, кроме статей политических, типа «Окаянных дней»)... Публицистику же Вашу Вы могли бы печатать в «России»... Сообщаю Вам также, что с 1 октября будут выходить «Дни». Если почему-либо Вы Керенского любите больше, чем Милюкова, то готов быть маклером и в «Днях!». ...»

В ответ на это Бунин, вероятно, сообщил, что согласен

⁵ Редактором «Возрождения» был П. Б. Струве, в 1927 году замененный Ю. Ф. Семеновым, в связи с чем из газеты ушли многие видные сотрудники, в том числе и И. А. Бунин.

печататься в воскресном приложении, к «Дням», редактором которого был Алданов. Это привело последнего в восторг: «...так Вы «Лит. Неделю» предпочитаете «Посл. Новостям»? Вы — ангел! ...» (25 сент. 1927).

Когда в «Современных Записках» стала печататься «Жизнь Арсеньева», Алданов написал Бунину (7 января 1928): — «...Недавно ко мне явилась за интервью — кто бы Вы думали? Жена А. М. Черного!⁶ Для трех дальневосточных газет! Вопрос: какое литер. произведение последних лет Вы считаете самым замечательным? Я без колебания ответил: 'Жизнь Арсеньева'! ...»

Через полгода (21 сентября 1928) он возвращается к «Жизни Арсеньева» и пишет, что перечитал 2 раза первую часть, напечатанную в «С. З.»: «...Судя по началу, это самая прекрасная из всех Ваших книг. Этим всё сказано, а я говорю совершенно искренно. ...»

О своем отношении к Бунину, как к человеку и писателю, Алданов восторженно говорит в письме от 17 ноября 1928: — «...Чем больше живу, тем больше Вас люблю. О «почитании» и говорить нечего: Вы, без спора и конкурса, самый большой наш писатель...» В том же письме о «Жизни Арсеньева» сказано: «...Рад, что Ваша работа шла так усиленно. В редакции «Совр. Зап.» мне говорили, что новая, еще не появившаяся часть «Арсеньева» еще лучше предыдущих. Помимо тех огромных достоинств, которые можно определить словами, в «Жизни Арсеньева» есть еще какое-то непонятное очарование, — по-французски другой оттенок слова charme. Об этом в письме не скажешь...»

В Новогодном письме от 2 января 1930 Алданов, поздравляя Ивана Алексеевича, между прочим пишет:

«...Славы Вам больше никакой не может быть нужно — по крайней мере в русской литературе и жизни. Вы наш первый писатель и, конечно, у нас такого писателя, как Вы, не было со времени кончины Толстого, который 'вне конкурса'».

Это сказано сильно. Такие слова безусловно льстили самолюбию Бунина.

4 февраля 1933 Алданов возвращается к «Жизни Арсеньева» и пишет: «...«Жизнь Арсеньева» классический шедевр, лучшее из всего, что Вы написали. Но Вы это знаете. ...»

⁶ Писатель Саша Черный

2. ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА

Если в Берлинский период Алданов много писал о литературной среде, но редко говорил о своих взглядах на прочитанные книги, то в Парижский период он всё чаще упоминает о книгах, говорит о том, что думает о творчестве отдельных писателей. При этом он больше беседует об этом с Верой Николаевной, безусловно чувствуя себя с ней свободнее, чем с Иваном Алексеевичем.

Еще раньше, в Берлинский период, Алданов писал Вере Николаевне (22.8.23): «... Читаю как всегда, т. е. много. Прочел молодых советских писателей и получил отвращение к литературе... я теперь в 1001 раз читаю «Анну Каренину» — всё с новым восторгом. А вот Тургенева перечел без всякого восторга (пусть не сердится на меня И. А.).⁷ Ремизова читать не могу, Белого читать не могу... Очень хороши воспоминания З. Н.,⁸ особенно о Блоке. Прекрасные страницы есть у Шмелева. Очень талантливо «Детство Никиты» А. Н. Толстого, и никуда не годится «Аэлита». ...»

Интересно, что и в дальнейшем Алданов никогда не поясняет, почему ему нравится или не нравится какое-либо литературное произведение, но литературные взгляды его очень определены и устойчивы. Так например, о нелюбви к Ремизову говорит он и в других письмах, напр. 23.6.25 он пишет Ивану Алексеевичу: «...Прочел сегодня в «Нувель Литерэр» интервью..... Оказывается, величайший русский — Ремизов, он — гениален. Каюсь, я этого гениального писателя не могу читать. ...»

Иногда Алданов высказывает свои мнения и об иностранной литературе. «...Относительно французских авторов» — пишет он 4 мая 1925 года — «не во всем с Вами согласен (Вы, впрочем, имен не называете). Большинство пишет очень плохо, но далеко не все. И любопытно следующее: у нас теперь пишут много хуже, чем прежде, а у них — наоборот. Ведь Зола в свое время — очень недавно — считался гением, а его теперь стыдно читать. Впрочем, я особенно горячо с Вами не спорю. Большая часть (неоспоримо большая) того, что теперь печатается в мире (я читаю и новых англичан и немцев) и

⁷ Бунин, как известно любил Тургенева.

⁸ Зинаида Николаевна Гиппиус.

пользуется успехом иногда головокружительным, так мало соответствует моему пониманию искусства, что я перестал себе верить, может быть, мое понимание ничего не стоит. Пирамделло — по-моему, совершенно бездарен, а его произвели в гении. ...»

В одном из писем к Вере Николаевне Алданов радуется, что ей нравится Пруст, и добавляет: «...это писатель гениальный, и мне очень приятно, что я, кажется, первый сказал это в русской печати. ...»

К советской литературе Алданов всегда относился отрицательно: — «Это самая настоящая «услужаящая литература» — выражаясь стилем обзрений печати», — пишет он в письме Вере Николаевне от 22. 6. 1925. Но Алданов отлично сознавал, что и в эмигрантской литературной среде не всё обстоит благополучно. Так в письме Вере Николаевне от 17 ноября 1928 он пишет:

«...Я недавно на 3 примерах убедился, какой злобой мы все окружены в среде молодых (и даже не очень молодых) писателей, различных новых и не-новых толков. Делается это под видом «не-признания» или требования «нового слова», а на самом деле здесь прежде всего озлобление против людей, которых рады печатать, которым готовы платить журналы, газеты, издательства. Там серьезно убеждены, что мы купаемся в шампанском. Очень это тяжело. Воображаю, как нас всех будет поносить «чуткая молодежь», когда доберется до всяких мест и редакций! Я, правда, надеюсь к тому времени уже откланяться. ...»

Чрезвычайно высоко ценил Алданов творчество Сирина-Набокова, считая, что «...редкий у него талант и далеко он пойдет, если не сорвется на вынужденном многописании. ...» (21. 9. 30) и огорчался, что «Защита Лужина» разочаровала Ивана Алексеевича (4. 11. 29). Выделял он и некоторых других эмигрантских писателей, как Леонида Зурова («...мне очень понравились его книги...», 3. 12. 29).

В письме от 21 февраля 1931 года, с обращением «Дорогие бельведерцы» он пишет: — «Читаю сов. книги, те, которые хвалят наши газеты. Ходасевич расхвалил «Зависть» Олеси, я прочел и изумился его похвалам. Дарование больше, чем скромное... Прочел начало «Черного золота» Ал. Толстого — это гнусно и бесстыдно до умопомрачения. ...»

Взрыв возмущения вызвала в нем и «Поднятая целина» Шолохова. Вот, что он пишет об этом Вере Николаевне 12 сентября 1933 года:

«...Говорят очень хорош роман Шолохова «Поднятая целина». — «Отлично». Достал этот роман — Господи! Делаю все поправки на «недостаток объективности», на свою ненависть к большевикам и т. д. Но и с этими поправками ведь только слепой не увидит, что это совершенная макулатура. А там он большое литературное событие; да и здесь, кажется, обе газеты отозвались благосклонно. Добавьте к этому невозможно гнусное подхалимство, лесть Сталину на каждом шагу... Почти то же самое теперь происходит в Германии...

Нет, надо бросать это милое ремесло. Оно во всем мире достаточно испакощено. ...»

16. 3. 32 Алданов пишет Бунину: — «...Два дня пролежал больной, с горя открыл Св. Писание на псалмах Давида, и очень скоро закрыл. Не сердитесь на меня... А вот после этого открыл «Анну Каренину» и, хоть знаю наизусть, дух захватило (последние сцены)... Вот она настоящая книга жизни! ...»

Не только Св. Писание, но и Пушкинские «Повести Белкина» не ценил Алданов. Вот, что он пишет Бунину 7 июля 1936:

«...Я считаю так: обо мне, например, (кроме моих химических трудов) все забудут через три недели после моих похорон. Вас будут читать пять тысяч лет. Ну, а Пушкина, скажем, будут читать «вечно» и то больше потому, что от него всё началось. Да и это, если говорить правду, условная фраза. Такого рассказа, как «Петлистые уши» у Пушкина нет, — не повести же Белкина! ...»

Парижской литературной среде уделено не мало места в письмах этого времени, иногда упоминаются литературные вечера — Б. К. Зайцева, Мережковского, французско-русские вечера, созданные В. Б. Фогтом. Несколько писем в 1931 году посвящено устройству и описанию вечера самого Бунина, на котором тот не присутствовал и организацию которого взял на себя Алданов.

Иногда Алданов сообщает Буниным слухи о литераторах в России. В письме от 16. 9. 25 он между прочим, пишет: «...Хотите знать новость (совершенно достоверную), которая на меня произвела отвратительное впечатление: Есенин женился на внучке Л. Н. Толстого. ...» А в письме от 2. 12. 28 он

пишет: «...приехавший из Петербурга, рассказывал мне позавчера, что в Петербурге постоянно вместе кутят: шеф Чрезв. Комиссии Мессинг, Щеголев и Ал. Толстой. Недурно, правда? Толстой будто бы загребает деньги. ...»

А вот сообщение от 16. 2. 32: — «...Шлю Вам самый сердечный привет из Секретариата Лиги Наций. Получил от П. Нов.⁹ аванс... и поскакал сюда... Буду писать статьи (если Милуков примет) — и для романа пригодится (это главная причина). Пишу из кофейни секретариата. За столом в нескольких шагах сидят большевики — Литвинов, Луначарский, Радек, б. генерал (эксперт) и Ланговой, тоже эксперт, сын царского министра! — ...Добавлю, что им латышские журналисты, подходившие ко мне, сказали, что это я, и они с улыбочками шепчутся. ...»

Видимо, ездить на аванс было не так уже приятно. 16 марта 1932 Алданов пишет: — «...Видно нет на земле не только «счастья», дорогой Иван Алексеевич, но и одинакового понимания «счастья»: я больше всего хочу жить как Вы — в глуши и (всё-таки) на свободе (т. е. без обязательной ежедневной работы); а Вы «завидуете» моим поездкам!... Одним словом я ездить закаялся, — только еще запутал свои дела всеми этими поездками... У Вас хоть надежды на Ноб. премию. А мне собственно и надеяться не на что...»

Во время пребывания Бунина в Париже зимой 1933 года Алданов писал Вере Николаевне следующее: — «...Вот Иван Алексеевич говорит (и не без основания), что и Париж удивил его своим равнодушием. Может быть «обобщать не надо», как пишут в передовых газетах, но спорить не буду: конечно, все тут очерствели, а уж писателями, даже и знаменитыми, теперь никто в «буржуазии» не интересуется. ...»

Общее экономическое и политическое положение не могло не сказаться и на газетах и журналах. 4 февраля 1933 года Алданов сообщает:

«...Две новости, одна приятнее другой: 1) общее сокращение... и жалований и почасовой платы... 2) отрывки из романов не могут больше приниматься... Дела «Посл. Новостей» действительно стали много хуже... Сокращения идут и во всех французских газетах и журналах. ...»

⁹ Газета «Последние Новости».

Бунину, как и другим писателям, жилось нелегко. 1 июля 1933 Алданов сообщает, что решено устроить бридж в пользу Ивана Алексеевича. В это время Алданов становится всё мрачнее:

«...Человечество идет к черту — и туда ему и дорога. Не думайте, что это я, из самодовольства, изображаю провинциального демона. Нет, это мое самое искреннее убеждение...» (8 апреля 1933). А 10 сентября он пишет Бунину: «...Очень рад был Вашей открытке, — конец меня особенно поразил. Всем рассказываю о своей новой черте: любви к смерти. Это главное несчастье: и жизнь надоела и утомила до последнего, кажется, предела, — и умирать тоже нет охоты...» Далее он прибавляет: «У меня всё то же: замучило безденежье...», а затем: «Другим еще хуже: Зайцеву, Шмелеву, Осоргину, не говоря о Бальмонте. Только это и слышишь. И ловишь себя на том, что вне работы только об этом и думаешь. ...»

Уже после получения Буниным Нобелевской премии Алданов пишет Вере Николаевне (26. 2. 34): — «Устраиваем бридж в пользу Ходасевича. Запрашивает меня о возможности своего чтения в Париже и Сириин. Вечера Ремизова, Шмелева. Всем очень трудно. Еще один я живу своим трудом — из всех, кажется, беллетристов. Для Мережковского Марья Самойловна¹⁰ устраивает продажу книги с автографами. ...» 5 мая 1934 Алданов иронически извещает Веру Николаевну:

«...Одним словом жизнь кипит: похороны и юбилеи, юбилеи и похороны. ...»

Летом 1935 года в Париже происходил Съезд писателей. На съезд приехали и некоторые советские представители, среди них И. Эренбург и А. Толстой. Алданов спешит поделиться новостями с Буниными (письмо от 22. 6. 35): — «...только что услышал рассказ М. Струве¹¹ о вчерашнем съезде больш. писателей... Я не пошел «по принципиальным мотивам», хоть мне очень хотелось издали повидать Алешку,¹² который приехал защищать культуру. Но Тэффи и Струве были. Тэффи окликнула Толстого, — они поцеловались на виду у всех и беседо-

¹⁰ М. С. Цетлина.

¹¹ М. Струве — поэт и журналист.

¹² А. Н. Толстой.

вали минут десять. Толстой спросил Тэффи, «что Иван?»,¹³ сказал, что получил Вашу открытку и «был очень тронут», сказал также, что Вас в СССР читают. Больше ни о ком не спрашивал.

Как ни странно, меня взволновало, что Толстой здесь... Толстая не приехала, — «дорого»...»

К этому письму приписка: — «Да, забыл главное: Толстой сказал, что в Москве ходят слухи, что Вы решили вернуться!! Что же Вы скрываете?!»

В следующем письме (Вере Николаевне, от 7 июля 1935) еще о Толстом:

«...Поляков-Литовцев¹⁴ имел еще приватную долгую беседу с Толстым. Он рассказывал, что в СССР рай, что у него два автомобиля, что Сталин его любит (а он Сталина боготворит) и что его книги разошлись в четырех миллионах экземпляров (все вместе конечно). Поэтому, очевидно, в СССР и рай. Наталья Васильевна,¹⁵ женив сына, поступила на какие-то высшие курсы: «у нас нельзя не учиться». О нас больше не спрашивал; впрочем и при первой встрече спросил только об Иване Алексеевиче. ...»

Осенью 1938 года, вернувшись в Россию, умер Куприн. «...Не могу с Вами согласиться насчет Куприна», — пишет Алданов Бунину — «Быть может, оттого, что я всё-же знал его меньше, чем Вы, и встречал реже, мне с ним почти всегда, если он бывал трезв, было интересно. Слышал и те рассказы его, о которых Вы упоминаете (кроме одного), но ведь они были забавны. Слышал и другое, — его отзывы о людях, о городах, о книгах Толстого. Он был ведь очень умный человек. Я действительно с душевной болью прочел об его смерти в «Фигаро». Знаю, что и Вы были огорчены».

17 июня 1939 Алданов пишет Бунину о смерти Ходасевича: — «...Очень меня расстроила смерть Ходасевича. Мы когда-то были очень близки: лет 15 тому назад вместе редактировали литературный отдел «Дней» и тогда чуть не ежедневно по долгу сживали в кофейнях, — он всё говорил, обычно умно, остроумно. Потом «Дни» кончились, он еще раньше ушел в

¹³ Иван Алексеевич Бунин.

¹⁴ Журналист, сотрудник «Последних Новостей».

¹⁵ Жена А. Н. Толстого, поэтесса Наталья Крандиевская.

«Посл. Новости», затем в «Возрождение», и частые встречи наши прекратились, но отношения остались очень хорошие, и писал он обо мне всегда очень благосклонно. Почему он вдруг меня возненавидел года три тому назад... мне до сих пор непонятно... Очень рад тому, что недели две тому назад я к нему зашел. Говорили мы очень дружески, о старом не было сказано ни слова и он был очень мил. Последнее слово, которое я от него слышал, было: «еще раз спасибо» (я собрал для него в дни его болезни некоторую сумму денег). Видел его в гробу, спокойное лицо, легкая улыбка. Очень я расстроился. Человек он был очень талантливый и умный. ...»

(Продолжение следует)

Публикация М. Э. Грин

**THE
NEW REVIEW
Новый Журнал**

Основатели

М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

С 1946-го по 1959-й редактор М. КАРПОВИЧ

Двадцать четвертый год издания

КН. № 81

НЬЮ ИОРК

1965

ПИСЬМА М. А. АЛДАНОВА К И. А. И В. Н. БУНИНЫМ*

3. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Много в письмах деловых сообщений относительно переводов на иностранные языки, сведений об эмигрантских газетах, издательствах и т. д., наиболее интересны совместные фильмовые планы Бунина и Алданова. В начале тридцатых годов возобновляется и переписка относительно возможности получения Буниным Нобелевской премии.

Осенью 1926 года впервые опять встречается упоминание о Нобелевской премии (19. 9. 26): — «...Думаю, что у русских писателей, т. е. у Вас, Мережковского и — увы — у Горького, есть очень серьезные шансы получить Нобелевскую премию. С каждым годом шведам всё труднее бойкотировать русскую литературу. Но это всё-таки лотерея. ...»

После этого нет упоминаний о Нобелевской премии вплоть до зимы 1930 года. Бунин, видимо, просил Алданова написать о нем Томасу Манну. Марк Александрович отвечает (28. 12. 30): — «...ведь я Вам давно писал и говорил, что у Вас и у Мережковского очень большие шансы на Ноб. Премию. Собственно это становится математической необходимостью, — разве только опять выскочит Горький. Но премию русскому должны дать. Я очень охотно напишу Манну и даже составил было текст письма, но, каюсь, у меня серьезные сомнения. Брат Томаса Манна, Генрих Манн, тоже знаменитый писатель и назывался в числе кандидатов... если у Т. Манна есть свой близкий кандидат, благоразумно ли сообщать о серьезном сопернике?... Как же быть? По-моему, естественнее всего попытать почву у славистов. Французских славистов всех знает Кульман. Хотите ли Вы, чтобы я с ним поговорил? Слависту независимо от его национальности, естественно предложить кандидатуру русского писателя... И, наконец, думаю (хоть не

* См. кн. 80 «Н. Ж.»

уверен), что и Милюков сам имеет формальное право предложить кандидата. Не сомневаюсь, что он охотно Вас предложит, если имеет право. Без Вашего одобрения я однако ни одного из этих шагов не сделаю, — это ведь очень ответственно. Напишите мне тотчас, дорогой Иван Алексеевич, что сделать и чего не делать. ...»

Бунин, видимо, всё же попросил, чтобы Алданов написал Томасу Манну, т. к. в письме от 2 января 1931 Марк Александрович пишет:

«...Сейчас же, получив Ваше письмо, начал работу. 1) Написал Манну... 2) Повидал Б. Мирского, — он обещал сделать всё от него зависящее. Мы перебрали всех славистов... Худо то, что точно никто не знает, кто именно может представлять кандидатов: всякий ли профессор литературы или только университетские, ординарные, определенных кафедр. Кроме того Мирский обещал сделать другое: он хорошо знаком с дочерью Бьернсона, к-ая будто бы имеет огромное влияние в Скандин. литер. кругах... Милюков только что вернулся из Праги, я его еще не видел. ...»

В письме от 10 января 1931 года Алданов сообщает, что получил ответ от Т. Манна, который, видимо, был приложен к письму.

«...Как видите, он чрезвычайно любезен, но несколько уклончив. Пишет о том, что не уверен, имеет ли право представить не-немецкого кандидата, и запросит об этом, — как уже он писал Шестову, который тоже просил его представить Вас. Чрезвычайно Вас хвалит, особенно «Г. из С. Франциско», но — тут очевидно одна из важных загвоздок еще Шмелев. Хотя он и не имеет в своем активе такого произведения, как «Г. из С. Франциско», но (перевожу точно): «я могу только сказать, что мне чрезвычайно трудно произвести выбор между обоими и что я от всего сердца желал бы премии также Шмелеву, у которого обстоятельства (вероятно денежные, М. Л.¹⁶) еще неблагоприятнее, чем у Бунина». — По совести думаю, что Манн, вероятно, уже обещал Шмелеву похлопотать за него. Но, может быть, я и ошибаюсь... Обращаю еще Ваше внимание на его слова о «Жизни Арсеньева». Если у Вас есть возможность... издать эту книгу поскорее на одном из трех глав-

¹⁶ М. Ландау — так подписаны почти все письма Алданова.

ных языков, сделайте это, не слишком торгуясь, — повидимому это имеет большое значение, — знакомство с последней книгой. ...»

Следующее письмо (16. 1. 31) тоже посвящено вопросу о Нобелевской премии: — «...Только что получил... письмо Мирского. Дама эта дочь Бьернсона и, говорят, имеет огромное влияние... О шагах Милюкова Вы, конечно, всё знаете от Полякова-Литовцева. Павел Николаевич всё сделал с очень большой готовностью... Будет хорошо, если Вы напишете Мирскому... — он много по этому делу работает и это надо ценить в виду его «радикально-демократического разреза»... Вы, конечно, тоже радикал-демократ, но другого оттенка. ...»

В письме Вере Николаевне от 20 января 1931 года Алданов пишет, что получил материалы (вероятно, относительно переведенных на иностранные языки книг Бунина) и передал их Мирскому, «...получив заверение, что дочь Бьернсона завтра же всё пошлет в Скандинавию. ...»

Вере Николаевне Алданов советовал поддерживать в муже мысль, что получение Нобелевской премии проблематично, чтобы не было слишком большого разочарования (25. 4. 31): — «...Я считаю, что шансы Ив. Ал. на премию Нобеля огромные, но Вам советовал бы поддерживать мысль, что всё это очень проблематично: я и то боюсь, что, если, не дай Господи, премию И. А. не получит, то удар будет для него очень тяжелый: внутренне он всё-таки не мог не считаться с мыслью о получении премии. ...»

16.5.31 Алданов извещает Веру Николаевну об отказе Т. Манна выставить кандидатуру Ивана Алексеевича: — «...Во вторник я обедал в Пен Клубе с Том. Манном и долго с ним разговаривал, в частности о кандидатуре Ив. Ал. Должен с сожалением Вам сообщить, что он мне сказал следующее: ему с разных сторон писали русские писатели, просили его выставить Ив. Ал. в качестве кандидата на Ноб. премию, и он считает необходимым прямо ответить, что он этого сделать не может: есть серьезная немецкая кандидатура и он, немец, считает себя обязанным подать голос за немца... Бог даст, обойдется и без Манна. ...»

Больше года упоминаний о премии в письмах нет. Только 6 сентября 1932 года Алданов пишет Вере Николаевне:

«...Осоргин¹⁷ мне сказал, что к нему по делу заходил какой-то влиятельный шведский критик и в разговоре сообщил, что Иван Алексеевич имеет серьезные шансы на получение Нобелевской премии. Дай-то Бог, — я убежден, что они должны дать премию русскому писателю — скандал растет с каждым днем. Но исходить, конечно, нужно из худшего. ...»

Наконец, в октябре 1932, после того, как была опубликована Гавасовская телеграмма, Алданов пишет (9. 10. 32): — «...довольны ли Вы Гавасовской телеграммой о Нобелевской премии?¹⁸ Я был ей очень рад. Шансы Ваши очень велики и в этом году, — Вы один из 6 или 7 кандидатов. А если даже и верно сообщение Стокгольмской газеты, что в этом году премия будет скорее всего поделена между Валери и Георге, то, значит, в будущем году отпадут сразу Франция и Германия, — тогда Ваши шансы еще очень вырастут. И, наконец, даже независимо от денег, самое появление во всех французских газетах сообщения о том, что Вы один из немногих кандидатов, очень важно, как «реклама» и как способ воздействия на издателей. Забавно, что французские газеты сообщили о Вас, как кандидате СССР! «Посл. Новости» не поместили Гавасовской телеграммы, так как Вы просили ничего не сообщать о Вашей кандидатуре...»

15 октября (на письме рукой Веры Николаевны приписано «1932») Алданов пишет Вере Николаевне: — «...Много говорили об Иване Алексеевиче в связи с Нобелевской премией, — одни говорили: получит, другие сомневались, — русскому не дадут. Я держал пари на сто франков, что И. Ал. получит премию в течение ближайших двух лет. Так что, пожалуйста, не подведите, — получите. Вернувшись домой... застал письмо И. Ал. Напрасно он думает, что французские издатели и критики в сов. писателе Бюнене не узнали эмигранта Бунина.... Повторяю, на мой взгляд шансы И. А. в этом году значительны, а в «перспективе» двух лет очень велики. ...»

Но и на этот раз премии Бунину не дали. Алданов пишет 12 ноября 1932 Вере Николаевне: — «...Очень мы были огорчены результатом шведского дела. Всё говорило за то, что в этом году дадут премию русскому писателю, и я думал, что

¹⁷ Писатель М. А. Осоргин.

¹⁸ В ней говорилось о кандидатуре И. А. Бунина.

шансы И. А. большие. ... Иван Алексеевич, по крайней мере, не оказался в неловком положении, как Мережковский, — Вы видели эти его интервью, биографии и портреты после Гавасовской телеграммы.¹⁹ Он был очень корректен: сказал, что всё равно, присудят ли премию ему, Бунину или Куприну, лишь бы присудили русскому; но всё же лучше было бы отказать интервьюерам в каком бы то ни было сообщении: газеты только поставили его в неловкое положение... Во всяком случае, и у него, и у Ивана Алексеевича теперь одним опасным конкурентом меньше: Голсуорси выбыл. Лотерея будет продолжаться дальше, подождем будущего года. ...»

Но существовать надо было, а материальное положение Бунина было нелегкое. Выходом показалось предложение Холливуда поставить фильм «Господин из Сан-Франциско». Об этом Бунин известил Алданова и, видимо, спросил совета относительно гонорара. 15 октября 1933 Алданов пишет: — «...в материальном отношении это большой успех, да и для славы Вашей в Америке это будет очень полезно, — хоть в художественном отношении от фильма Вам ждать радости не приходится ... если Вы продадите только заглавие, то требовать надо тысячу долларов, а если и рассказ, то три тысячи, самое меньшее две тысячи. ...»

В конце октября 1933 года опять началось томительное для Бунина ожидание результатов присуждения премии. Алданов пишет 30 октября 1933:

«...Насчет Нобелевской премии я тоже не уверен, что она уже присуждена этому неведомому Зилленпе. Обычно газеты ошибаются в подобных сообщениях. Думаю однако, что и Вы ошибаетесь, усматривая в молчании французских газет симптом. Французские газеты ничего не знают, кроме того, что им сообщает агентство Гавас... Я считал очень высокими шансы немецкого кандидата из эмигрантов, — Генриха Манна. Если он не получит премии и если в этом году ее не получите и Вы, то придется признать, что эмигранту и вообще неугоднему своему правительству человеку премии никогда не дадут! ...вдруг всё-таки не Зилленпе, а именно Вы. Если же не Вы,

¹⁹ Кроме Бунина в Гавасовской телеграмме из русских писателей упоминались Мережковский и Куприн, как возможные кандидаты на получение премии Нобеля.

то не огорчайтесь свыше меры. Мережковский говорил мне, что он ни малейшей надежды на премию не возлагает. ...»

Наконец 4. 11. 33 спешное, написанное от руки письмо: «Одно странно — почему из Копенгагена, а не из Стокгольма? Но по моему, вопрос о Вашем подданстве ясно показывает, что дело идет о Ноб. премии. Ну, если не 90%, то, скажем, 75. Вот только не волнуйтесь слишком до 9-го.

Дорогой Иван Алексеевич.

Только что узнал о пересланной Вам с час тому назад телеграмме Кальгрена,²⁰ запрашивающей редакцию о Вашем адресе и подданстве. Все у нас (и я) думают, что это... означает присуждение Вам Нобелевской премии. Не дай Бог ошибиться, — но уже сейчас сердечно Вас поздравляю и обнимаю...

Ваш...

Редакция ответила (еще до моего прихода) Кальгрену: *Bouquine refugié russe. Adresse такой-то...*»

Думается, что Алданов поздравил Бунина в связи с получением Нобелевской премии телеграммой, во всяком случае письмá не сохранилось, следующее письмо написано уже в Дрезден, где Бунины гостили на обратном пути из Стокгольма. Алданов усиленно уговаривает Буниных распрощаться с Грассом («Нет ничего печальнее Вашего Грасса» — 27 декабря 1933) и купить виллу в Канн. Бунины же остались в Грассе, чего Алданов не мог им простить: «...Стоило получать Нобелевскую премию, чтобы сидеть в Вашей дыре! Ездили бы по Франции, по Европе, нас в Париже навещали бы. Хотя радостей у нас тут очень немного. Все стонут. ...» — пишет он Вере Николаевне 5 мая 1934.

Осенью 1934 года Иван Алексеевич приехал в Париж. Алданов пишет Вере Николаевне (5 января 1935): — «...я редко вижу Ивана Алексеевича. Раз он у нас обедал, раза три были мы вместе в кофейнях (нет, больше, раз пять но почти всегда в большом обществе...) и недавно провели вечер у Цетлиных. На Вашей квартире я так и не был, но это лучше: уж очень мне досадно. ...По-моему, надо было снять квартиру получше ... и мебель купить порядочную, чтобы можно было принимать и французов, и иностранцев: у И. А. всё-таки есть состо-

²⁰ Шведский издатель.

яние, он единственный, кто мог бы быть нашим культурным «послом» в Европе, каким был Тургенев. ... Ну, да Вам виднее. ...»

На эту же тему Алданов пишет Вере Николаевне в письме от 20 января 1935: — «...Мне, — говорю серьезно, — очень больно, что И. А. так мало (если не говорить о Швеции и, разумеется, об эмиграции) использовал во всем мире свою премию и в интересах русского дела, и в своих собственных интересах. ... Нет, не быть Ивану Алексеевичу нашим «послом», — и это очень, очень жаль. ...»

Попрекает он Бунина и за то, что тот бросил писать (14 февраля 1935): «...А вот отчего Вы больше не пишете? Ходят слухи, что со времени получения премии Вы не написали ни одной строки! Арсеньев сердится, и Ваши друзья тоже, не говоря о публике. ...»

В О Й Н А

Писем, написанных за шесть лет войны мало — 7 из Европы и 8 из Америки. Летом 1942 переписка, видимо, совсем прекратилась (вероятно, письма не доходили) и возобновилась только в марте 1945 года.

После начала войны Алдановы оставались в Париже. Несмотря на налеты, на затруднения в передвижении, жизнь в литературной эмиграции как-то продолжалась. 27 апреля 1940 Алданов сообщает Бунину, который так и оставался в Грассе: — «...Готовится чествование Мережковского (75 лет): сбор с обращением к иностранцам... Очень приятно прошло чтение Бориса Константиновича:¹ и читал он хорошо, и публики было много, и сбор хороший. Сирин недели через три уезжает в С. Штаты, очевидно, навсегда. Вот все литературные новости. ...»

23 августа 1940 Алданов пишет: «...Я получил вызов к американскому консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С. Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем... что есть. В самом деле я пускаюсь в величайшую авантюру всей моей жизни. Но так как делать мне и во Франции нечего, то, помимо других причин, надо ехать...» К письму сделана приписка: — «В Нью-Йорке я решил первым делом заняться поиском денег для создания журнала».

¹ Б. К. Зайцев.

Очевидно, Алданов звал в Соединенные Штаты и Буниных, 13 сентября 1940 он пишет: — «...Очевидно, Вы решили остаться. Не решаюсь Вас уговаривать... Но сообщаю Вам следующее. Я вчера получил письмо от Осоргина. Он сообщает, что получил без всяких хлопот визу в С. Штаты как писатель (через Американскую федерацию труда, как и я), и может тоже устроить еще для нескольких писателей. Я тотчас написал ему о Вас. Но очень Вам советую и лично написать ему об этом тотчас, не откладывая ни на день. ...»

Но Бунин медлил с ответом. 11 октября 1940 Алданов, всё еще ожидающий выездной визы, просит Веру Николаевну сказать наконец твердо, едут ли они в Америку, т. к. «каждая виза в списке на счету».

Следующее письмо Алданова (13. 12. 1940) уже из Лиссабона, где он ожидал парохода в Нью-Йорк: — «...Я понимаю, как Вам трудно собраться в Америку: дороговизна жизни, переезд, риск и т. д. Однако, если Вам, по бытовым условиям, будет очень тяжело в Грассе (недостаток еды, топлива), то не переедете ли Вы временно в Лиссабон?... Знаю, что сюда въездную визу получить трудно. Однако, Метерлинку дали... дадут и Вам. ...» В этом же письме после долгого перерыва опять упоминается Нобелевская премия. Видимо, уже раньше Бунин по своей инициативе выставлял кандидатуру Алданова. Теперь Алданов пишет: — «...Имеете ли Вы известия о Зайцевых? Где Мережковские? Я считал весьма возможным, что он в этом году получит Нобелевскую премию... Кстати, уж будьте милы: в этом году тоже напишите заказное письмо в Стокгольм: никаких надежд не имею, но ведь покупал же я билеты в Национальную лотерею... Редакцию Вы знаете: переведен на 23 языка, есть статья в «Британской Энциклопедии». Я никогда не просил бы, если б Вы этого первый не сделали. ...»

Переменились роли и в другом отношении — теперь Бунины сообщают Алданову о жизни других писателей. Накануне отъезда из Европы Алданов пишет Вере Николаевне (27. 12. 40): — «...Мы завтра уезжаем на португ. пароходе... В третьем классе, но получили каюту на двоих... Перспективы в Америке не блестящие.. Я всё же думаю, что какое-нибудь издание мы там наладим... Сведения Ваши о нужде писателей — удручающие. Особенно я боюсь за Зайцевых, которых так

люблю... Если я буду зарабатывать деньги в Америке, попытаюсь участвовать и в деле помощи оставшимся. ...»

Приехав в Нью-Йорк, Алданов возобновил вопрос о переезде в Америку Буниных. 1 февраля 1941 он пишет: — «...Но отчего же Вы всё-таки ничего не сообщаете о своих планах? Я Вам писал о Лиссабоне, о Нью-Йорке, меня здесь все первым делом спрашивают, приезжаете ли Вы и когда, а я ничего ответить не могу! Повторяю, советовать Вам ничего не могу и не хочу. Я Соединенными Штатами доволен... Если журнал создастся, то мы хотим в первой же книге поместить начало «Темных Аллей» (и включим Вас в список «при ближайшем участии». Можно?). Ради Бога, пошлите мне тотчас один экземпляр... Но тоже ради Бога: помните о существовании в С. Штатах законов! (Это относительно сюжета)... Если же журнал не создастся, то плохо наше дело во всех смыслах, на своем языке нам тогда печататься негде ...»

Журнал и возможный переезд Буниных в Америку — главные темы и следующих писем: — 21.3.41: «...Толстый журнал будет почти наверное... можно будет выпустить книги две. А потом будет видно... Вы должны быть в первой книге... Напишите же мне, наконец, приедете ли Вы сюда или нет. Для Вас и Веры Николаевны будут и виза и билеты, — это мне твердо сказали...»

15.IV.1941: «...если Вы питаетесь одной брюквой и если у В. Н. «летают мухи», то как же Вам оставаться в Грассе?! Подумайте, дорогой друг, пока еще можно думать. **Возможность** уехать Вам вдвоем — **есть**... Как Вы будете жить здесь? Не знаю. Как мы все, — с той разницей, что **Вам**, в отличие от других, никак не дадут «погибнуть от голода». Вы будете жить так, как жили во Франции тринадцать лет до Нобелевской премии... Только что я позвонил Александре Львовне.² Она мне сказала, что для Вас собрано уже пятьсот долларов, из которых 50 и 150 уже Вам переведены... Кроме того послана посылка. Кроме того, по её словам Вам обеспечены два билета для поездки из Лиссабона сюда ...»

Но Бунин не мог решиться покинуть Европу и Алданов на время прекращает звать его. Дело с журналом оказалось нелегким, в том же письме Алданов сообщает: — «...Обещали

² А. Л. Толстая.

золотые горы. Когда дело дошло до выполнения, то оказалось, что немедленно можно получить 500!... Одну книгу мы всё-таки выпустим осенью, а там видно будет. ...» О себе он рассказывает в том же письме следующее: — «...я кое-как живу своим трудом... Пишу в американских журналах, — по-русски или по-французски... а они переводят сами. ...»

Трудности с журналом всё же удалось преодолеть. «Новый журнал» был основан. В письме от 25 октября 1941 Алданов сообщает: — «... наш журнал почти осуществлен, иными словами обеспечена уже одна книга и есть надежда на вторую. В первой на первом месте появятся «Руся» и «В Париже»... во второй книге, если она выйдет... мы напечатаем «Натали»; это, по-моему, самый лучший и просто изумительный рассказ, одна из лучших Ваших вещей вообще... Журнал мы редактируем с Цетлиным. ...»

26 мая 1942 Алданов сообщает, что вышли 2 книги «Нового Журнала», что третья появится в сентябре, но прибавляет: «...Будет ли четвертая книга «Нового Журнала» — я не знаю... Журнал пока поддерживали «меценаты»...» Трудно было тогда надеяться на то, что «Новый Журнал» станет самым значительным периодическим изданием в зарубежье и переживет самого Алданова.

Бунины в Грассе голодали — «...Господи, как Вы ошиблись, что не приехали», — пишет Алданов 26 мая 1942 — «...Не сомневаюсь, что Вы здесь не голодали бы...» В конце этого же письма он прибавляет: — «...Меня постоянно о Вас спрашивают и не только русские, но и американские писатели. ...»

В следующем письме (от 29 июня 1942) опять вопрос — не хотят ли Бунины приехать? Алданов обещает получить для них билеты «в кредит», считает, что визу они получают без затруднений. В этом же — последнем «военном» письме — Алданов сообщает, что есть надежда на основание русского беллетристического издательства и спрашивает, хочет ли Бунин издать «Темные Аллеи».

Переписка во время войны оборвалась. Следующее письмо Алданова написано уже в 1945 году.

IV. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ БУНИНА

Прошли, наконец, тяжелые годы войны, о которых Бунин

писал Н. Д. Телешову (8 декабря 1945)³ «...пять лет сидели мы безвыездно в Грассе, в голоде, а зимой в лютном холоде, в нужде, — заработков, конечно, не было никаких (да они теперь очень, очень слабы, — а кроме того, еще под игом оккупантов...)» Возобновилась переписка с Алдановым. Много места в письмах этого периода занимает вопрос о помощи больному и старому Бунину. После войны он остался совсем без средств, а деньги нужны были и на жизнь, и на лечение. Сказались и годы войны («пещерный голод, холод, да еще под проклятым немецким игом» — письмо Бунина к Телешову от 1 марта 1947). Алданов делал, что мог — посылал сам вещевые посылки, наладил помощь Буниным через различные организации, но всего этого было мало. К 75-летию Бунина была раскошно издана его повесть «Речной трактир» с иллюстрациями М. Добужинского, был устроен сбор.

Сразу после окончания войны Алданов стал опять звать Буниных в Америку, но Иван Алексеевич и тут избегал прямого ответа. Некоторые люди в Париже уговаривали Бунина вернуться в Россию. Видимо, не сразу он исключил и эту возможность — тоска по России, тяжелая жизнь в Париже, вера в то, что после войны в России многое изменилось, очевидно, играли свою роль. Бунин написал Алданову, что подумывает о возвращении. Это вызвало длинное ответное письмо Алданова (от 30 мая 1945):

«...С большой душевной болью прочел вчера полученное письмо Ваше от 12 апреля... Перехожу к главному. Не пишу пока снова о переезде в Америку, так как жду Вашего обещанного письма об этом. Хочу только коснуться поездки «домой». Марья Самойловна⁴ чуть не заплакала, когда я сегодня ей прочел Ваше письмо. Она только восклицала: «Это безумие!», «Боже мой!» и т. д. Я хочу подойти к этому «объективно», как если бы дело шло не о Вас и не о том тяжком горе, которое для меня означала бы разлука с Вами (ведь навсегда, — Вас назад не отпустят). Я прекрасно понимаю, что такое опять увидеть «дом», какой бы он теперь ни был. Это ведь большое общее горе. Если спокойно обсуждать «плюсы» и «минусы»,

³ Письма И. А. Бунина к Н. Д. Телешову (1941-1947). Исторический архив, 2, Москва 1962, Акад. Наук СССР, стр. 161.

⁴ М. С. Цетлина.

то это такой плюс, с которым минусы несоизмеримы. Но я эти минусы перечислю: 1) Читали ли Вы воспоминания Телешова? Он очень тепло пишет о Вас и сообщает, что Вы скончались в 1942 году и что последнее письмо Ваше было: «хочу домой». Очевидно, там говорили и писали, что Вы умерли (помните примету: очень долго жить). Письмо же, вероятно, — то Ваше письмо к Алексею Николаевичу, о котором и здесь были слухи?⁵ Повторяю, книга Телешова написана, в общем, в благородном тоне, с любовью к Вам. Однако он сообщает, о покаяниях Куприна (нам бывших неизвестными). Боюсь, что это обязательно, как бы ни приглашали и что бы ни обещали. Вы ответственны за свою биографию, как знаменитый русский писатель. 2) Кто Вас зовет и что именно Вам обещают?... Думаю, что часть обещаний исполнят, некоторые книги Ваши издадут, отведут квартиру и Вы получите много денег, на которые и там сейчас ничего купить нельзя: там голод и нищета такие же, как почти везде в Европе. Однако и это во многом зависит от того кто обещает. 3) У Вас там, кажется, ни одного близкого человека не осталось, — разве Телешов, если он еще жив? Алексей Николаевич⁶ умер. Молодые писатели Вас встретят почтительно и холодно, — так, по крайней мере, я думаю. А некоторые будут напоминать об «Окаянных днях».⁷ 4) Если у Вас еще есть остатки премии, то их Вы никогда не получите, — разве их эквивалент, вероятно, не очень ценный.

Повторяю, перечисляю только минусы. На всё это Вы совершенно справедливо можете мне ответить: «А что же Вы можете мне тут гарантировать?» Действительно, мы, друзья

⁵ В Историческом архиве, 2, Москва 1962, стр. 160 напечатано письмо (открытка) Бунина к Телешову от 8 мая 1941, в котором, между прочим, говорится: «...Был я «богат» — теперь, волею судеб, вдруг стал нищ, как Иов. Был «знаменит на весь мир» — теперь никому в мире не нужен — не до меня миру! В. Н. очень болезненна, чему помогает и то, что мы всегда голодны. Я пока пишу — написал недавно целую книгу новых рассказов, но куда ее теперь девать? ...» К этому письму сделана следующая приписка: «Я сед, сух, но еще ядовит. Очень хочу домой». Вероятно, об этом письме и идет речь.

⁶ А. Н. Толстой.

⁷ «Окаянные дни» (Собр. соч. И. А. Бунина, том X, Петрополис, 1935) — большой дневник, который Бунин вел во время революции и гражданской войны.

Ваши, можем только обещать всячески для Вас стараться, делать всё, что можем. Знаю, что это немного.

Я прекрасно понимаю, как Вам тяжело. Мои чувства к Вам не могут измениться и не изменятся, как бы Вы ни поступили. Извините, что пишу Вам обо всем этом. Никакого совета в таком вопросе я Вам дать не могу и не даю. Мне казалось только при чтении Вашего письма, что Вы хотите знать мое мнение. ...»

Но, видимо, Бунин серьезно не думал о возвращении, т. к. уже 27 августа 1945 года Алданов, между прочим, пишет: — «...Я страшно рад, что Вы «никуда» не едете. Понимаю, что и так не сладко, — всё же рад больше, чем могу сказать. ...» В этом же письме Алданов спрашивает: — «...Правда ли, что Российская Академия наук купила полное собрание Ваших произведений? Неужели и заплатила? Да и как же так «полное»? Не будут же они печатать «Окаянные Дни»? ...»

В длинном письме от 5 января 1946 Алданов пишет о нашумевшем в то время посещении Буниным советского посла. На это посещение многие в эмиграции реагировали очень резко.

Алданов пишет: — «Дорогой друг, вчера получил Ваше письмо от 26 декабря и очень встревожился относительно Вашего здоровья. Что же это такое, — этот бронхит, который не проходит так долго и при котором Вы выходите из дому (понимаю, впрочем, что дома, может быть, холоднее, чем на улице) ... Дорогой друг, Вы почти всё письмо уделили этому визиту. Я Вам давно писал (когда Вы мне сообщили, что подумываете о возвращении), — писал, что моя любовь к Вам не может уменьшиться ни от чего. Если Вы вернетесь, Вас, думаю, заставят писать, что полагается, — заранее «отпускаю» Вам этот грех. Добавлю к этому, что я, чем старше становлюсь, тем становлюсь равнодушнее и терпимее к политике. Не говорите, что в Вашем случае никакой политики нет. Это не так: визит, каков бы он ни был и какова бы ни была его цель, помимо Вашей воли становится действием политическим. Я солгал бы Вам (да Вы мне и не поверили бы), если б я сказал, что Ваш визит здесь не вызвал раздражения. (Есть впрочем и лица, одобряющие Ваш визит). Насколько я могу судить, оно всего больше, с одной стороны, в кругах консервативных, дворянских, к которым тут примыкает и 95 процентов духовенства (гитлеровцев тут, к счастью, почти нет и не было), с дру-

гой стороны, у дворянства политического... Вам известно, какую бурю вызвал визит Маклакова, — значит, Вы знали, на что идете... Мое личное мнение? Если Вы действительно решили уехать в Россию, то Вы были правы, — повторяю, там придется идти и не на то. В противном же случае я не понимаю, зачем Вы поехали к послу? Не знаю, заплатят ли Вам за книги, но если заплатят (что очень вероятно), то сделали бы это и без визита: ведь они Вас оттуда запросили до визита. Против того же, что Вы согласились на печатанье там Ваших книг (оставляю в стороне вопрос о гонораре), могут возражать только бестолковые люди: во-первых, Вашего согласия и не требовалось, а во-вторых, слава Богу, что Вас там будут читать. Как видите, я подхожу к этому делу практически. Что сделано, то сделано. Не слишком огорчайтесь (если это Вас вообще огорчает): раздражение со временем пройдет. Я делаю всё, что могу для его «смягчения». ... Ради Бога, решите для себя окончательно: возвращаетесь ли Вы или нет? Помогите, все дальнейшие Ваши действия должны зависеть от этого решения. ...»

Издание его произведений в России по многим причинам волновало Бунина. 30 января 1946 года он написал Н. Д. Телешову следующее: — «...может быть, еще есть время что-нибудь исправить в этом по-истине ужасном для меня деле с изданием 25 листов моих произведений... издание, о котором идет речь, есть, очевидно, **изборник** из всего того, что написано мною за всю мою жизнь, нечто самое существенное из труда и достояния всей моей жизни — и избрано без всякого моего участия в том (не говоря уже об отсутствии моего согласия на такое издание и о том, что оно лишит меня возможности переиздавать собрание моих сочинений на русском языке во Франции или в какой-либо другой стране, то-есть единственного источника существования в нашей с В. Н. старости и близкой полной инвалидности моей: дорогой мой, ведь мне 76-ой год идет!) Я горячо протестую против того, что давно издано в **Москве несколько моих книг...** без всякого гонорара мне за них... **особенно же горячо протестую против этого последнего издания, того, о котором ты мне сообщил: тут я уже прямо в отчаянии...** Я даже не знаю, известно ли в Москве, что в 1934-1935 г.г. вышло в Берлине в издательстве «Петрополис» собрание моих сочинений, в предисловии к которому ...

я заявил, что только это издание и только его тексты я считаю достойными. ...»⁸

Видимо, и Алданову писал Бунин в связи с советским изданием его вещей, т. к. в письме от 7 февраля 1946 Марк Александрович пишет: — «...Сочувствую в огорчении по поводу того, что советское издательство поступает так бесцеремонно. Но всё-таки я чрезвычайно рад, что Вас там выпустят в огромном числе экземпляров. ...»

Но Бунина этот вопрос волновал. В письме с обращением «Дорогие Вера Николаевна, Иван Алексеевич», от 27 марта 1946, Алданов успокаивает: — «...Напрасно Вы так огорчаетесь из-за этих изданий в России. Пушкин писал Бестужеву: «мне грустно видеть, что со мной поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности». Допустим, что подберут материал очень плохо, — а всё-таки это будет Бунин, и прочтет вся Россия, много лет Вас не читавшая. Нет, я на Вашем месте не огорчился бы. ...»

Но для Бунина это был вопрос большой важности, он хотел, чтобы Россия читала его в «достойных» текстах, да и нужны были деньги на существование. 6 мая 1940 Алданов спрашивает: «... Как же оказалось: будут ли Вас издавать в Москве или Вы «впали в немилость»?...»

Были ли приняты во внимание протесты Бунина или по каким-либо другим причинам, но предполагаемый «изборник» Бунина выпущен не был.

Были у Бунина и другие причины волноваться в то время. В русском литературном Париже шла острая политическая борьба. Из Союза Русских Писателей были исключены все взявшие советские паспорта. Алданов пишет об этом Бунину в письме от 6 мая 1946: — «...Вы, по-моему, отлично сделали что не согласились стать председателем Союза писателей. ... Не напишете ли Вы, что такое там произошло? ... Вот мы в

⁸ Очевидно, вопрос текстов был особенно важен для Бунина, т. к. в письме Телешову от 8 января 1947 (указ. соч. стр. 164) он пишет: «...пока спешу горячо просить тебя сказать Государств. издательству: пусть издает из моих писаний *всё что угодно*, но выбирает *только* из собрания моих сочинений издания «Петрополис».

Значительно позже это же желание Бунин высказал в своем «Литературном завещании» — см. кн. 66 «Нового Журнала», стр. 169-170.

нью-иоркском фонде работаем дружно, хотя в Фонд входят люди разных взглядов. А у Вас, очевидно, будут теперь два союза? О Господи... Не входите, ради Бога, и во второй. ...»

Но Бунин не только не согласился стать председателем Союза писателей, но даже решил уйти из Союза. В письме от 3 мая 1948 Алданов пишет: — «...Вы мне сказали, причиной Вашего ухода была односторонняя нетерпимость Союза, т. е. исключение людей, взявших советские паспорта, при неискл­ючении бывших друзей немцев. ...»

В письме от 1 июля 1946 Алданов пишет: — «...Теперь «много толков» ... вызывает история с паспортами. Я никому никаких советов давать не буду, но для меня, конечно, вопро­са нет: я останусь эмигрантом. Политика вызывает у меня глу­бокое отвращение, но газеты я естественно читаю и хандра моя всё увеличивается. ...»

Осенью 1946 года наступил перерыв в переписке. Алда­новы побывали в Париже. С февраля 1947 года переписка возобновляется — Алдановы уехали в Ниццу. А Бунин в Па­риже продолжал болеть. К другим болезням у него прибави­лось и острое малокровие, врачи опасались белокровия. Ал­данов утешает больного (19.2.47): — «Дорогой друг! Только что получил Ваше письмо от 18-го. Я солгал бы Вам, если бы сказал, что оно меня не встревожило. Но меня очень успокаи­вает то, что когда-то, когда опасались перехода Вашего мало­кровия в белокровие, известный врач сказал о Вашем состоя­нии то же самое. А это было 25 лет тому назад. Бог даст, Вы скоро оправитесь совершенно. Но, ради Бога, не жалейте де­нег ни на лечение, ни на питание. Я тотчас пишу Цетлиной, Зензинову, Николаевскому, чтобы Фонд дал Вам новую ссу­ду. ...»

Получив деньги, Бунин поехал отдыхать на юг в Жуан Лэ Пэн. Об этом он 1 апреля 1947 года писал Телешову:⁹ — «...я, как видишь, нахожусь на берегу Средиземного моря, на ку­рорте, несколько подобном нашему Гурзуфу... я приехал сюда, в русский дом отдыха, в надежде поправиться на солнце, на теплом воздухе, пролежал в постели в Париже целых три месяца: обострился мой застарелый бронхит, случилось со мной острое малокровие, увеличилась ужасная одышка от расширения ста-

⁹ Указ соч. стр. 165.

рых легких, слаб я еще и до сих пор так, что с трудом делаю несколько шагов по комнате — и т. д. Приехал сюда один — с Верою не мог, не по средствам, — болезни мои разорили нас ужасно — жизнь у нас страшно дорога. ...»

На юге Бунин встречался с Алдановым. Вернувшись в Париж, Бунин стал опять жаловаться на здоровье, 28 июля 1947 Алданов ему пишет: — «...Вера Николаевна меня успокоила относительно Вашего здоровья, а Вы, дорогой друг, хотите опять меня расстроить! Ради Бога не говорите о Вашей «близкой смерти»: Вы мне этого не сделаете! Какова будет моя жизнь, если я Вас переживу? ...»

31 августа 1947 Алданов пишет: — «...меня чрезвычайно огорчило, что Вы себя считаете уже «откупавшимся». Что же ссылаться на вещи престарелого Льва Николаевича? Если они нехороши, то не от старости, а от того презрения к художественному делу, какое у него создалось в последние годы. Помните, что он между «Войной и Миром» и «Анной Карениной» написал слабую комедию «Нигилист», хотя тогда был в расцвете сил. В ту пору это объяснялось верно «тенденцией», — разоблачу-ка их, а для этого настоящее искусство не нужно; на старости это объяснялось «проповедью» — сделаю их добрее, а для этого настоящее искусство и не нужно. Однако некоторые несравненные главы «Воскресения» и «Хаджи-Мурата» были им написаны в старости. Но главное, скажу правду, я не понимаю, чем же Вы теперь живете, не в материальном, конечно, а в высшем смысле слова, если больше и писать не хотите. У Толстого было «толстовство», а что же у Вас? Я спрашиваю и только спрашиваю, потому что меня вопрос этот очень волнует. Если хотите сделать тысячам людей (больше же всего мне) великую радость, то пишите второй том «Жизни Арсеньева». А уж потомство рассудит, откупались ли Вы к 1947 году или нет. ...»

Видимо, именно на это письмо Бунин ответил словами, приведенными в предисловии М. А. Алданова к посмертно изданной книге Бунина «О Чехове»: — «А чем я живу теперь «в высшем смысле слова» — об этом очень трудно говорить. Больше всего, кажется чувствами и мыслями о том, чему как-то ни за что не верится, что кажется чудовищно-неправдоподобным, изумительным, невозможным, а между тем дьявольски-непреложным, — о том, что я живу, как какой-нибудь тот, к

которому вот-вот войдут в 4 ч. 45 м. утра и скажут: «Мужайтесь, час ваш настал. ...»¹⁰

На это Алданов ответил в письме от 12 сентября 1947: — «...Вы пишете, что живете мыслями о «час ваш настал». И я так живу, и, думаю, почти все немолодые или старые люди. Но именно поэтому ведь и надо что-то иметь еще: для Вас, по моему, это «что-то» может быть только в художественной работе. Иначе уж слишком тяжело...»

Мысль о скорой смерти не оставляла Бунина, он стал интересоваться и судьбой своих писем¹¹ и запросил об этом Алданова, который 12 сентября 1947 ему отвечает:

«...Ваши письма у меня, разумеется, хранятся в особой папке — «для историка». Разумеется, в нормальной обстановке журналы рвали бы у моих наследников. Но теперь я ведь совершенно не знаю, что будет с моими бумагами. Вы, кажется, знаете, что я хранил у себя в Отей множество огромных ящиков с корреспонденцией за четверть века. В 1940 году всё досталось немцам и, конечно, навсегда пропало. Было там много и Ваших писем. Вы пишете от руки, т. е. без копий, да и чужих писем наверное у себя не храните, все выбрасываете? Как ни странно, я и после опыта с тем моим архивом опять всё собираю. Но очень серьезно подумываю, что пора бы найти какое-либо надежное место для всех наших... бумаг. ...»

Весной 1948 года Алдановы временно вернулись в Америку. Письма Алданова полны извещений о том, что там-то и там-то ему удалось получить для Бунина известное количество денег. 2 апреля 1948 года Алданов сообщает: — «...вчера я случайно встретился с одним добрым знакомым... он меня огорченно спросил: «Что же это, неужели Бунин стал большевиком?..» Я ему немедленно изложил, как было дело. Он пришел в ярость, вынул чековую книжку и тут же вручил мне чек на пятьдесят долларов, «с просьбой передать Ивану Алек-

¹⁰ И. А. Бунин. О Чехове. Изд. имени Чехова. Нью-Йорк, 1955, стр. 20.

¹¹ Бунин особенное значение придавал судьбе своих писем и оставил опубликованное в кн. 66 «Нового Журнала» (декабрь 1961) «Литературное завещание», в котором просил не печатать его писем «...из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки — чаще всего как биографический материал», стр. 172.

сеевичу, как дар, свидетельствующий о моем глубоком уважении к нему». ...»

Осенью 1948 года Алдановы опять вернулись в Ниццу, собирались туда и Бунины, просили Алданова найти им квартиру, но приезд отложили. За это время как будто улучшилось здоровье Ивана Алексеевича, да и дела временно поправились — устроенный в Париже вечер дал больше двухсот тысяч франков. Об этом Алданов пишет 5 ноября 1948: — «...Ваш вечер дал больше двухсот тысяч! Поздравляю, — это конечно, мировой рекорд, до которого никто в эмиграции дойти не мог бы...»

Алданов с Я. М. Цвибаком устроили в пользу Бунина сбор денег в Америке. 17 декабря 1948 Алданов сообщает: — «...вечером получил письмо от Цвибака с приятными для Вас новостями... Он начал — и очень успешно — кампанию по сбору денег для Вас. Сто долларов уже есть, еще сто обещаны твердо, и он надеется, что в течение зимних месяцев будет собирать по сто долларов ежемесячно: это только надежда и только на несколько месяцев... Однако люди ... те же, к которым мы обратились бы и для юбилея ... Яков Моисеевич очень Вас любит (а всё-таки я больше). ... Всё-таки, дорогой друг, теперь прошу Вас дать мне определенные инструкции. Мы с Цвибаком начнем подготовку юбилейного сбора. Для этого необходимы будут, думаю, даже заметки о подписке в газетах... Разрешаете ли Вы это или нет?... Секретно это сделать совершенно невозможно. ...»

Но гордость мешала Бунину пойти на предложение Алданова. 21 декабря 1948 Алданов пишет: — «Ради Бога, не говорите, что это «постыдное дело» и т. д. Во все времена — даже и в лучшие времена — знаменитейшие писатели часто не могли прожить своим трудом, и, от Горация до Гоголя и до наших современников, жили в значительной мере тем, что их друзья собирали для них деньги. Нет, умоляю Вас, не говорите таких вещей и напишите Якову Моисеевичу, чтобы он сбор продолжал... Если Вы не хотите юбилейного сбора, мы придумаем что-либо другое... Поверьте мне, ничего «постыдного» в сборе в Вашу пользу нет, и я сам мог убедиться в том, как Вас почитают люди, дающие деньги...»

Бунины побывали на Ривьере, уехали в мае. Алданов старается наладить регулярную денежную помощь Бунину через

владельца фирмы «Этам» С. С. Атрана. Вплоть до смерти последнего в 1951 году Бунин получал от него денежную поддержку.

Стало сдавать здоровье и Алданова — повысилось давление. О своем образе жизни он пишет в письме от 23 июля 1949: — «...Хочу похвастать. Сегодня я встал в шесть часов утра, вышел в 6.45 гулять и вернулся в 8.30. Был в старом порту. Решил делать это часто, — отчасти чтобы не случилось того же, что с бедным Тхоржевским, отчасти потому, что это единственное время для прогулок: днем слишком жарко, а вечером я уже так устаю, что гулять не могу. Но было очень приятно, юг в эти часы очарователен. Было бы еще приятнее, если бы можно было, как в прежние времена, заходить в бистро и у стойки выпивать по рюмочке, — но давление крови не позволяет. Вернувшись домой, как каждое утро, сел в холодную ванну, — врать не буду, сел всего минуты на три, в отличие от Чайльд Гарольда и Онегина, не «со льдом», — просто в холодную воду из-под крана, так как горячей нет. ...»

Этот рассказ, видимо, раздражил Бунина, у которого была эмфизема легких и удушье. 3 августа 1949 Алданов пишет: — «...Чрезвычайно, больше, чем могу сказать, Вы меня огорчили сообщением о том, как плохо себя чувствуете, особенно же словами о моей прогулке и Вашей «зависти». Я никак не думаю, что это состояние будет у Вас продолжаться. Быть может, оно связано именно с этой жарой? ... Вы должны писать. Я думаю, что и чувствовать себя Вы тогда будете лучше. Я понимаю. У меня мысли о смерти постоянные, с пятидесяти лет. У Державина есть стихи, и глуповатые, и очаровательные:

И смерть как гостью ожидает
Крутя задумавшись усы.

Такой человек, как Вы — конечно, Вы думали о смерти всю жизнь. — «Да, но это было не то, совсем не то!» А почему же уж совсем не то? Мне еще недавно врач по поводу Вас сказал: «ни от эмфиземы, ни от астмы, ни от геморроя не умирают». Значит, всё-таки главное сводится к тому, что радостей жизни становится всё меньше. Это так. Ну, что-ж, надо себе доставлять те, которые еще остаются. ...»

Осенью 1949 года Алданов побывал в Италии. Об этом он

пишет в письме от 21 октября 1949: — «...Я вернулся из Италии, где пробыл всего неделю... Очень приятно было опять увидеть Милан, Флоренцию, Сиенну. Мы с Т. М.¹² в 1938 году поехали в Италию «прощаться» с ней перед ожидавшейся войной. До того я был в Италии и в 1913 году. Как бы эта поездка не оказалась новым прощанием! В окрестностях Донго ... я с трудом нашел... дом, в котором Муссолини провел свою последнюю ночь. (Дом, около стены которого он был убит, всем известен). В этой комнате я провел с хозяйкой, очень простой женщиной Бордоли, с полчаса, и ее рассказ, особенно жуткий на этом месте, у двери, через которую вошли убийцы, был бы для меня чрезвычайно полезен... если б я уже не напечатал в свое время по-русски в «Н. Р. Слове», а потом в английской книге рассказов, тот свой рассказ «Номер 14», где всё это описано: в общем я описал обстановку довольно верно, но были и неточности... Дом совершенно средневековый и просто страшный, даже независимо от того, что там тогда произошло. ...»

В письме от 19 марта 1950 Алданов пишет: — «...Мое впечатление от Ваших последних писем: то большая, необыкновенная радость — от того, что Вы пишете об «Истоках»... то очень большое, чрезвычайное огорчение — от того, что Вы сообщаете о себе. ...» Однако, в следующем письме Бунин, видимо, прислал Алданову какие-то юмористические стихи, и Алданов отвечает (27 марта 1950): — «... Вы вдвойне меня обрадовали: и тем, что Ваши стихи так остроумны и хороши, и тем, что Вы, очевидно, повеселели. Слава Богу!..»

Опять Бунины собирались на юг, но отъезд пришлось отложить. В здоровье Ивана Алексеевича наступило ухудшение. «Дорогие друзья», — пишет Алданов 13 апреля 1950 — «Мы огорчены тем, что Вы, милая Вера Николаевна, сообщаете о режиме, предписанном Ивану Алексеевичу... меня посадили на еще худший режим. Худший потому, что мне запретили и вино, и даже кофе, а Вы о вине ничего не сообщаете. Неужели яйца и молоко запрещены, а вино разрешено? Соль мне тоже запрещена, но о ветчине доктор, очевидно забыл мне сказать, и я этим пользуюсь. Конечно, Вы хорошо сделали, что отложили отъезд. ...»

¹² Татьяна Марковна Ландау — жена М. А. Алданова.

Бунину становилось всё хуже, у него началась бессонница. Ухаживающие за ним Вера Николаевна и Л. Ф. Зуров сбились с ног. 17 апреля 1950 Алданов спрашивает: — «...Почему же Вы, дорогой друг, окончательно превратили ночь в день? Разве уж никак нельзя править корректуру днем? Думаю, что в дневные часы Вы спите хуже и меньше, чем следовало бы. ...» 17 июля 1950 он спрашивается: — «...Как Ваше здоровье? Ослабели ли ... боли? Идет ли кровь? Спите ли? А Вы, милая Вера Николаевна?..»

Зимой Алданов опять за океаном. Он налаживает, между прочим, юбилейный сбор денег для Бунина, устраивает юбилейный вечер. 20 марта 1951 он пишет: — «... Вечер Ваш состоится либо 25 марта, либо 2 апреля... Программа: Артист Зелинский... читает «Ночлег» и еще несколько Ваших старых небольших рассказов... Артистка Лариса Готова читает Ваши стихи... Мое слово о Вас... Большие доклады о Вас Тартака и Веры Александровой... Денег это не даст... Относительно денег, **кажется**, будет для Вас приятный сюрприз...»

26 марта 1951 Алданов извещает о состоявшемся вечере (на обороте письма автограф Бунина: «О вечере 25 марта»): — «...Пишу Вам..., чтобы сообщить о вчерашнем вечере в Вашу честь. Он сошел превосходно. Зал на 470 мест был совершенно переполнен. Настроение было именно такое, какое требовалось. **Все** говорили о Вас исключительно в самых восторженных выражениях: Вейнбаум, я, Тартак, Александра (в порядке наших выступлений) ...**кажется** несмотря на дорогой зал, останется чистой прибылью долларов 50-60... Вейнбаум вчера подтвердил мне, что теперь начнет писать свои письма о пожертвованиях в Вашу пользу. ...»

В следующем письме (от 30 марта 1951), на обороте которого почерком И. А. Бунина написано: «О вечере 25.Ш», Алданов пишет: — «...Конгресс защиты свободы и культуры... Мы просили о тысяче долларов и она была... почти обещана. Сегодня принято их американским исполнительным бюро решение немедленно послать Вам сто тысяч франков. ... это **никак** не значит, что они вместо тысячи долларов дали Вам триста: они обещали, что и остальное будет Вам дано в ближайшие месяцы. ... В «Н. Р. Слове» вчера появился отчет о Вашем вечере. Должен сказать, что мое «слово» о Вас там перевернуто и очень плохо изложено. ...»

Летом 1951 года в Америке было основано Издательство имени Чехова. Это, естественно, явилось радостью для эмигрантских писателей. 16 июля 1951 Алданов, в последнем письме из Нью-Йорка перед возвращением во Францию, пишет: — «...Сегодня я имел второе и последнее свидание с новым директором Чеховского издательства... Это Николай Романович Вреден... Он подтвердил, что принимает все три Ваши книги и будет выпускать по одной в год. Условия — лучше желать нельзя. Платить будут 1.500 долларов за книгу. ...»

Но явились непредвиденные затруднения — Бунин, видимо, поставил издательству ультиматум, чтобы его книги печатались по старой орфографии. Алданов 14 сентября 1951 пишет Вере Николаевне: — «...Не могу Вам сказать, как я удручен тем, что произошло... У меня еще есть маленькая... надежда на то, что совершенно справедливый довод Ивана Алексеевича подействует: действительно, без твердых знаков старая орфография размера книги не увеличивает. Верно и то, что Ди-Пи отлично могут читать по старой орфографии. Все остальные доводы И. А-ча никак на них подействовать не могут: вполне возможно, что наборщиков, знающих старую орфографию, больше нет. ... слово «Бог», конечно, будут печатать с большой буквы, как и все в Америке. И само собой разумеется ... не заменили бы слова «Петербург» словом «Ленинград» ... Но я очень боюсь, что Вреден даже не имеет возможности снова поднять ... вопрос об орфографии ... Что же Вы тогда будете делать? Ведь, помимо прочего, это был бы для Вас обоих кусок хлеба до конца дней каждого из Вас... Я ни в коем случае не хочу волновать дорогого Ивана Алексеевича. Конечно, это самое важное. Поэтому пишу не прямо ему, а Вам. ...»

Следующее письмо обращено к Ивану Алексеевичу (21 сентября 1951): — «...Что теперь делать? Вы написали Александровой, что подумаете. Решите вопрос возможно скорее. Я как раз сегодня получил длинное письмо от Вредена. Он говорит, что они хотели «Жизнь Арсеньева» напечатать первой книгой, с нее начать свою издательскую деятельность, — 'но Бунин взял ее назад'...»

Бунин пошел на уступку и «Жизнь Арсеньева» была всё же издана первой книгой Чеховского издательства и Бунин, видимо, остался доволен. «...Так «Жизнь Арсеньева» издана

хорошо? Это очень приятно. Неужели и опечаток немного...» — пишет Алданов в письме от 19 марта 1952. А 30 июня 1952 он сообщает: — «...сегодня утром я получил сразу с трех сторон известие, чрезвычайно меня обрадовавшее: Чеховское издательство решило допечатать еще немалое количество экземпляров «Жизни Арсеньева»! ... Это даже не успех «Жизни Арсеньева», а триумф! ...»

Но Бунину было не до триумфа, прекратилась субсидия Атрана, и он на это болезненно реагировал, как вообще на все неприятности в эти последние годы своей жизни.

«...Почему это так огорчило Вас?» — спрашивает Алданов Веру Николаевну в письме от 7 июля 1952 — «что Вы отказываетесь от ванны? Ведь Вы теперь обеспечены на год: нельзя, по-моему, сомневаться в том, что Вы от Чеховского издательства получите более миллиона франков... Теперь Ваше материальное положение недурное. Но меня очень тревожит, что Вы оба хотите остаться в Париже всё лето. ...»

Но положение Чеховского издательства было не особенно верным. 21 июня 1953 Алданов (опять поехавший в Америку) извещает: — «... Приятное: 1) никто в Чеховском издательстве не сомневается, что Фордовская организация осенью ... даст еще деньги, так что издательство будет существовать и в 1954 году. ...Неприятное: 1) Теперь денег у них нет и «до осени» они ни с кем новых договоров подписывать не могут. ... 2) Старых книг, т. е. уже вышедших отдельным изданием, они ни у кого больше принимать не будут **кроме Вас.** ...»

Последние письма Алданова к Бунину почти **исключительно посвящены** Бунинским делам с Чеховским издательством, вопросу об издании книги о Чехове, книги рассказов, пособию из Литературного Фонда.

8 ноября 1953 года Иван Алексеевич Бунин скончался. 18 ноября 1953 Алданов писал из Ниццы Вере Николаевне: — «...Очень нас взволновало Ваше письмо. С ужасом представляю себе, какую ночь Вы тогда провели? Не буду писать об этом. ...»

2. «НОВЫЙ ЖУРНАЛ». ЛИТЕРАТУРА

Будучи одним из основателей «Нового Журнала», Алданов, естественно, принимал живейшее участие в дальнейшей судьбе этого издания. Не могло не интересоваться это и Бунина.

Судьба «Нового Журнала» во время войны висела на волоске — никогда не было известно, будет ли возможность выпустить следующую книгу.

В конце войны в письме (от 2 марта 1945) Алданов сообщает: — «...«Новый Журнал» по-прежнему издается: уже вышло девять книг по 400 страниц каждая, — и ... мы очень, очень просим Вас посылать нам Ваши произведения... Редакторы: проф. М. Карпович и Михаил Осипович,¹³ — я им помогаю советами, но ближайшего участия в редакционной работе не принимаю. ...»

Вскоре после окончания войны «Новый журнал» частично перешел на новую орфографию. Как Бунин, так и Алданов новую орфографию не признавали. В этом отношении характерно письмо Алданова от 27 августа 1945: — «...Прежде всего не удивляйтесь, что я пишу по новой орфографии: моя машинка в починке, мне дали вместо нее на неделю другую. В «Новом Журнале» черезполосица введена потому, что Цетлиных уверили, будто тираж увеличится вдвое, если редакция согласится на новую орфографию: «Вас будет читать молодежь». Мы нашли компромисс: я, Мих. Ос., еще кое-кто печатаются по старой, а большинство сотрудников предпочитают новую. Разумеется, Вас и Зайцева будем печатать не иначе, как по старой. Кстати, черезполосица тиража совершенно не увеличила. Но, кажется, во всем мире теперь по старой орфографии печатаемся только мы. ...»

Насколько серьезно относился к вопросу орфографии Бунин, показывает его конфликт с Чеховским издательством, относительно «Жизни Арсеньева» когда он, в 1952 году, находясь в чрезвычайной нужде, всё же требовал, чтобы его печатали не иначе, как по старой орфографии.

После смерти М. О. Цетлина единоличным редактором «Нового журнала» стал М. М. Карпович. Алданов пишет (23 ноября 1945): — «...я хочу поскорее отойти совсем, так как журнал меня замучил. В первое время буду помогать Михаилу Михайловичу. ...»

Переехав во Францию, Алданов отошел от редакции журнала совсем, оставаясь только его сотрудником. В письмах этого времени много интересного материала относительно ве-

¹³ М. О. Цетлин.

щей как Бунина, так и самого Алданова, много высказываний о литературе вообще. Общее впечатление такое, что Алданов стал теперь свободнее высказывать свое мнение о произведениях Бунина, позволяя себе даже легкую критику.

Еще во время войны Бунин, по просьбе Алданова, переслал ему в Америку рукопись «Темных аллей». Прося прислать ему рукопись (1 февраля 1941) Алданов предупреждал: — «...ради Бога: помните о существовании в С. Штатах законов! (Это относительно сюжета)...» Получив рукопись, Алданов пишет (2 августа 1941): — «...Ваши рассказы я получил и страшно Вам благодарен. Они чудесны, от многих я в полном восторге. Но смелый Вы человек, дорогой Иван Алексеевич! Ведь ругать Вас за вольность некоторых сцен будет всякий кому не лень; будет говорить: «порнография», «лавры автора лэди Чэттерлей» ... и т. д. ...»

29 июня 1942 Алданов опять пишет о «Темных аллеях»: — «...Хотите ли Вы... издать «Темные Аллеи»? ... Не скрою, что без небольших сокращений некоторые Ваши рассказы здесь выпущены быть не могут ...» Что это раздражало и сердило Бунина, видно из того, что последняя фраза отчеркнута его красным карандашом. Он высоко ценил «Темные аллеи». В одном из своих писем Н. Д. Телешову (от 1 апреля 1947 г.) Бунин писал: «...не смущайся ее некоторыми смелыми местами — в общем она говорит о трагичном и о многом нежном и прекрасном, — думаю, что это самое лучшее и самое оригинальное, что я написал в жизни, — и не один я так думаю. ...»

О дальнейшей судьбе «Темных аллей» Алданов сообщает в письме от 23 марта 1945: — «...Прежде всего, «Темные аллеи». Согласно Вашему указанию, я передал их Цвибаку. Они были изданы. Но ... могу Вас уверить, — мы спросили адвоката, — некоторые Ваши рассказы не могут быть здесь напечатаны: на издание был бы немедленно наложен арест с преследованием. Поверьте, я не шучу... Мы советовались, советовались, и приняли предложение разделить Вашу книгу на два тома. Издали том первый и сказали в заметке от издательства, что второй том выйдет позднее. Добавили, что с Вами издательство не имело возможности снестись и что Вы не несете ни малейшей ответственности за раздел и за корректуру (хотя она была тщательная). Никаких русских издательств в Америке нет. Мы достали немного денег у «меценатов» (взаимы),

чтобы выпустить этот первый том «Темных Аллей». ... Само собой разумеется, все права на «Темные Аллеи» остаются полностью за Вами: меценаты только потребовали, чтобы им вернули их расходы, если продажа покроет эти расходы и аванс в сто долларов. Пока они их не получили. Так как Вы написали еще ряд рассказов той же серии, то оно, может быть, к лучшему: Вы можете издать второй том, и переиздать первый, которого в Европе и на Дальнем Востоке никто не видел... Не проклиняйте нас за раздел, — что же нам было делать? ...»

30 мая 1945 Алданов сообщает: — «...Послана Вам с оказией и по почте Ваша книга — Темные Аллеи... Попытки мои устроить эту книгу у Кнопфа и у Скрибнера ни к чему не привели: оба издателя ответили, что сборники рассказов никогда в Америке не шли хорошо, а теперь совсем не идут. ...»

Про себя Алданов пишет кратко в письме от 29 июня 1945: — «...Кроме «Истоков» я ничего не пишу. А что пишете Вы? ...»

Бунин следил за литературной деятельностью Алданова, т. к. в письме от 2 октября 1945 Алданов пишет: — «...Еще раз от души Вас благодарю за отзыв об «Истоках», столь мне дорогой. Вы правы, всего хуже Мамонтов. Теперь будут главы в цирке и во французском замке. Помните, я когда-то ездил в гости в замок Легранж, к графу де Ластейри, потомку Лафайета. Замок написал прямо с этого Легранжа, где я гостил два дня. ...»

С Буниным бывало нелегко, но Алданов теперь чувствовал себя с ним независимее. Вот письмо, которое, вероятно, раздражило Бунина (хотя никаких подчеркиваний на нем нет). 14 октября 1945 Алданов между прочим пишет: — «...Вы не очень довольны тем, что Мих. Ос. отдал «Новоселью» «Мадрид» и «Второй Кофейник». Скажу Вам правду: Михаилу Осиповичу очень не хотелось сохранить имена Шаяпина и Коровина. Он (как и я) не сомневается, что Марья Валентиновна обидится. Между тем Вы написали, что эти рассказы должны идти не иначе, как вместе. Мих. Ос. серьезно болен... и я ничем его огорчать не хотел бы. Госпожа Прегель¹⁴ соглашалась оставить имена (кроме доктора Голоушева). Вы говорите, ничего обидного нет ... О Глаголе же было и обидное («пустил

¹⁴ С. Ю. Прегель, редактор журнала «Новоселье».

по рукам»). Не сердитесь на меня, я не мог спорить с Мих. Ос-чем и потому, что в душе с ним был согласен. ...»

23 ноября 1945 Алданов опять пишет о себе: — «... «Могила Воина» наднях вышла у Скрибнера. Рецензии — к полному моему изумлению — превосходные, кислая была только одна... Получаю немало приглашений к разным особам... Вас бы здесь на руках носили. ...» В конце этого же письма Алданов прибавляет: — «...Что мне делать, когда кончу «Истоки» — не знаю. Заработок мне необходим. Если «Могила Воина» даст совсем мало, я приду в уныние. Писать для заработка мне очень не хочется. ...»

В это время в Америке готовилось художественное издание «Речного Трактира» Бунина. 26 декабря 1945 Алданов пишет: — «...Рассказ выйдет дней через десять. Мы напечатали 1.000 экземпляров... «Речной Трактир» и в журнале всех приводит в восторг, даже Ваших нынешних политических врагов: у нас ведь есть читатели всех взглядов... Мое личное мнение. самое лучшее из всего того, что Вы напечатали в «Новом Журнале», это «Таня», потом «Натали» и «Генрих». Но всё решительно превосходно, никто так не напишет. Описание Волги в «Речном Трактире» и трактира — верх совершенства. ...»

В письме от 7 февраля 1946 Алданов справляется: — «...Получили ли Вы 11-ую книгу «Нового Журнала»? Я там замок писал с Шато де Лагранж, где гостил у де Ластейри. А цирк писал с бродячего американского цирка, к которому два с лишним года тому назад пристал... (не выходил из цирка, из поезда артистов, палаток и т. д.). Говорю это потому, что Вы терпеть не можете «выдумщиков». ...»

В конце этого письма он спрашивает: — «...Кстати, не сохранилась ли у Вас копия нашего с Вами сценария из жизни Толстого, по «Казакам»? Моя была увезена Гестапо со всей моей библиотекой, рукописями, тетрадями, письмами... Хотя шансов очень мало и связей у меня в Холливуде нет, но можно было бы попытаться счастье? ...»

С рассказами из цикла «Темных аллей» сплошь да рядом бывали затруднения. 6 мая 1946 Алданов пишет: — «...Большое спасибо за «Галю Ганскую». Рассказ чудесный. Карпович умоляет Вас о разрешении выпустить три строчки (о поцелуях по ножке, от чулочка...). Не скрою от Вас: редакция «Нового Журнала» получала письма с протестами против «эротич-

ки» и отдельных слов в Ваших рассказах!!! Одно пришло от ученого... «Как же можно? У меня жена» и т. д. Мы не ответили. Со всем тем Карпович, разумеется, не настаивает: если не хотите, оставьте эти три строчки. Рассказ уже набран, но еще не сверстан. ...»

Иногда Алданов делится с Буниным впечатлением о прочитанных книгах. Так 28 июля 1947 он пишет: — «...Перечитываю классиков, чтобы отдохнуть от немецких философских книг, которых прочел за последние полтора года видимо-невидимо.... По-моему, «Соборяне» слабая вещь, а «Некуда» просто негодная. Но вот в «однотомнике» есть настоящие шедевры. Я в первый раз в жизни прочел «Разбойник». Читали ли Вы? Рассказ написан без малого сто лет тому назад, а из него, думаю, вышел Чехов, в частности «Степь», одна из самых моих любимых вещей. Очень неровный и странный был писатель Лесков. Перечел и Аксакова, — он изумителен. Теперь собираюсь перечесть всего Гончарова и всего Бунина, хотя, кажется, и Вас, и Гончарова знаю хорошо. ...»

А Бунин в это время, видимо, читал книгу советского литературоведа Ермилова о Чехове,¹⁵ и возмущался, чем поделился и с Алдановым. В письме последнего от 4 августа 1947 сказано: — «...Цитаты повыдергивать Ермилов мог, но уж какой Чехов был большевик! Он был «правый кадет» и если бы дожил до революции, то писал бы в «Совр. Записках» и в «Последних Новостях», ходил бы с нами в Париже в рестораны, а в Москве Ермиловы другими цитатами доказывали бы, что он белобандит. Или вернее не писали бы о нем ни слова, и его книги там не издавались бы. ...»

Из Ниццы в августе 1947 года Алданов написал Ивану Алексеевичу два интереснейших письма. 22 августа 1947: — «...Едва ли не самая лестная рецензия обо мне на русском языке за всю мою жизнь была написана именно несчастным генералом Красновым. Он писал о моих романах и политики совершенно не касался. Не упомянул даже о моем не-арийском происхождении. Впрочем, это было еще до прихода Гитлера к власти... Самое изумительное, по-моему: «Хорошая жизнь» и «Игнат». Но какой Вы (по крайней мере тогда были) мрачный писатель! Я ничего безотраднее этой «Хорошей Жизни» не

¹⁵ См. И. А. Бунин. «О Чехове». Нью-Йорк, 1955, стр. 377-378.

помню в русской литературе... Это никак не мешает тому разнообразию, о котором Вы мне совершенно справедливо писали. Да, дорогой друг, немного есть в русской классической литературе писателей, равных Вам по силе. А по знанию того, о чем Вы пишете, и вообще нет равных: конечно язык «Записок Охотника» или Чеховских «Мужиков» не так хорош, как Ваш народный язык. Вы спросите: «откуда ты, старый дурак и городской житель, можешь это знать?» Я не совсем городской житель: до 17 лет, а иногда и позднее, я каждое лето проводил в очаровательной деревне Иванково, где был сахарный завод моего отца, с очаровательным домом, парком и заросшей рекой. (Позднее, окончив гимназию и став «большим», начал ездить за границу, а с 1911 в этом раю не бывал совсем). Но эта деревня была в Волынской губернии, т. е. в Малороссии. Великорусской деревни я действительно не знаю, — только видел кое-что, как Ясную Поляну в 1912 году. Однако писатель не может не чувствовать правды, и я понимаю, что нет ничего правдивее того, что Вами описано. Как Вы всё это писали по памяти, иногда на Капри, я просто не понимаю. По-моему, сад, усадьбу, двор в «Древнем Человеке» можно было написать только на месте. Были ли у Вас записные книжки? Записывали ли Вы отдельные народные выражения (есть истинно чудесные, отчасти и по неожиданности, которой нет ни у Тургенева, ни у Лескова в его правдивых, а не вымученных со всякими «мелкоскопами» вещах). ...»

Это письмо, видимо, вызвало длинный ответ Бунина, на который Алданов, в свой черед, отвечает письмом от 31 августа 1947: — «...Раза три прочел Ваше длинное письмо. Вдруг когда-нибудь, когда мы оба уже будем пить нектар в тех Елисейских полях (а лучше бы подольше в этих и не нектар, а что-либо более знакомое и проверенное), вдруг это письмо будет напечатано, — кем? где? когда? Что скажет критика? Думаю, она удивится: почему И. А. Бунин точно огорчился от вопроса, писано ли им хоть что-либо с натуры? Мне казалось, что как бы замечательна ни была Ваша глазная память, Вы кое-что в русском пейзаже должны были записать на месте. Ведь так же делали и все великие художники: и пейзажисты, и портретисты, — писали с натуры, хотя у них зрительная память должна быть потрясающей. То же относится и к необычным, неожиданным народным выражениям, — я думал, что Вы

их иногда записывали. Сколько ведь таких записей осталось от самых больших писателей. И Толстой записывал, как записывал он и другое, вроде тени орла на скале (для «Хаджи-Мурата»). Как бы то ни было, результатов Вы достигли изумительных, непревзойденных и как Вы их достигли, это ведь и не так важно. Зато меня чрезвычайно огорчило, что Вы себя считаете уже «откупавшимся»...»

В это время готовилось издание «Истоков», о них Алданов пишет в том же письме от 31 августа 1947: — «...Я не сомневаюсь, что книга провалится, так как американцам совершенно не интересны Александр, народовольцы и т. д. ...» Был ли Алданов вполне искренен в самокритике — судить трудно. В письме от 12 сентября 1947 он пишет: — «...Рассказ «Астролог» Вы напрасно хвалите в кредит. Я его испортил тем, что с самого начала взял какой-то неправильный, немного иронический тон. Итальянский мой рассказ будет, кажется, лучше. ...» Дальше он прибавляет: — «...Работаю очень много. Никогда, кажется, так много не читал и не писал. Это одна из причин, почему мне очень не хочется уезжать в Америку. Ницца — чудесное место. ...»

Но иногда Алданов торжествовал. Так в письме от 9 марта 1948 он победоносно сообщает: — «...Вчера вечером, вернувшись домой, нашел в ящике письмо от своих американских издателей. Они получили из Калькутты предложение издать «Истоки» на бенгальском языке! «Бенгальцы» предлагают всего пять процентов, — но издатель... весело пишет, что надо принять «хотя бы из любопытства»: отроду бенгальских переводов не продавал. Я уже ответил согласием... Это мой двадцать четвертый язык. Когда будет двадцать пятый, угощу Вас шампанским. Вы верно за 25 языков перевалили? После смерти Алешки,¹⁶ «Правда» сообщала, что он переведен был на 30 языков, — но из них, кажется, десять были языки разных народов СССР. ...» А в следующем письме (2 апреля 1948): — «...У меня успех в Англии: «Истоки»... Бук Сосайети; но масштабы в Англии неизмеримо меньше, чем в американском Бук оф зи Монс, да и денег оттуда, боюсь, не выцарапаешь...»

В письме от 16 января 1950, после долгого перерыва,

¹⁶ А. Н. Толстой.

опять беседа на литературные темы: — «...Статья¹⁷ поразительная по яркости и силе. Совершенно согласен с Вами в том, что Вы говорите о «Скифах», на три четверти согласен с Вашим отзывом о «Двенадцати», но думаю, что Вы не должны были говорить о продажности Блока («решил угодить»): продажным или угодничающим человеком он не был, а просто, при всей своей талантливости, ничего не понимал. Думаю, что Ваша статья произведет, по газетному выражению, «впечатление разорвавшейся бомбы», — но ведь Вы на это шли... Кстати, я прочел снова некоторые книги Ал. Толстого. Некоторые — совершенный вздор, как например, «Голубые Города» или «Рукопись найденная под кроватью». Очень не понравился мне и «Хромой Барин», имевший такой успех: это не очень хорошая подделка частью под Достоевского, частью под Чеховский рассказ «Черный Монах». Но в первом томе «Петра» виден очень большой его талант «многое там превосходно. Второго тома не могу достать. ...»

Письмо от 26 февраля 1950 посвящено «Истокам»: — «...Рад, что Вы тотчас по выходе получили «Истоки»... я в душе надеюсь, что некоторые (немногие) сцены Вам, быть может, и в самом деле понравятся: операция со смертью Дюммлера и цареубийство. Всё же это наименее плохая по-моему, из всех моих книг ... Нехорошо вышло только посвящение. Именно потому, что мне «Истоки» кажутся наименее слабым из всего, что я написал, я решил посвятить эту книгу Тане. Писать «моей жене» или как-нибудь так — не мог: это одновременно и сухо и для постороннего читателя слишком интимно. Решили поставить одну букву «Т» ... вышло как-то незаметно... А вот, еслиб можно было бы при помощи каких-нибудь рентгеновских лучей прочесть то, что Вы действительно думаете? Вы понимаете, что Ваше мнение значит для меня гораздо больше, чем мнение всех других людей ...»

Но «Истоки» Бунину понравились («...большая, необыкновенная радость от того, что Вы пишете об «Истоках»...» — 19 марта 1950), и Бунин стал перечитывать «Пещеру», о чем Алданов жалеет. 13 апреля 1950 он пишет: — «...Но мне жаль, что Вы читаете после «Истоков», «Пещеру», которая гораздо

¹⁷ Отрывки из «Воспоминаний Бунина».

хуже и просто плоха. Я в свои старые книги просто боюсь заглянуть ...»

17 июля 1950 Алданов возвращается к старой теме — о «Жизни Арсеньева»: — «...Какой шедевр Ваша «Жизнь Арсеньева»! Перечитываю в четвертый или в пятый раз. И как Вам не совестно, что не написали и не пишете продолжения! Помните, что еще не поздно. Только работа и поддерживает человека. А к слову надо сказать правду: жизнь, которую Вы описывали, была очень счастливой — не для всех конечно, но для очень многих. Да и крестьянам и беднякам жилось в России много лучше, чем теперь. ...»

9 октября 1950 Алданов пишет: — «...Не отвечал Вам, так как хотел сначала прочесть «Воспоминания». Я почти всё читал в газете, и всё же впечатление чрезвычайно сильное. Книга бесстрашная — и страшная. Написана она с огромной силой. Люди, ругающие ее, лучше сделали бы, если бы точно указали, что в ней неправда! Я же могу только поставить Вам вопрос: нужно ли говорить всю правду? ... В связи с Вашей книгой хотел бы сказать Вам следующее. Я неднях послал «Новому Р. Слову» отрывок о смерти Бальзака (из моей еще не появившейся повести. Это повесть о смерти). И вот там есть страница о великих писателях вообще. Кажется, ничто мне никогда не давалось так тяжело, как эта страница: я два раза вырезывал ее из рукописи и два раз вклеивал опять! Там вопрос: есть ли великие писатели, не служившие никакой идее? простите пошлые слова, — я огрубляю. Вы понимаете, что я говорю не о том, что писателю надо быть меньшевиком или народником! Но я пришел к выводу, что Бальзак был единственным большим писателем, никакой идее не служившим. Проверял себя и проверяю. В русской литературе, конечно, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев «служили» (самому неловко писать это слово, но Вы меня поймете не в опошляющем смысле). Однако служил ли Пушкин? Служил ли Чехов и Вы? Я ответил себе утвердительно: да служили. Чему именно? Какой идее? Если б такие слова не были невозможны и просто произносимы, я ответил бы, что и Пушкин, и Чехов, и Вы служили «добру и красоте». Вязнут слова, но по-моему это так. И с этой точки зрения я рассматриваю и Ваши «Воспоминания». Они жестоки, но и «Что такое искусство» было тоже

очень жестоко, — у Толстого это сглаживалось тем, что писал он преимущественно об иностранцах».

Зная начитанность Алданова, Вера Николаевна иногда справлялась о его мнении об иностранных авторах. Так 14 ноября 1950 Алданов ей отвечает: — «...Вы спрашиваете, милая Вера Николаевна, о Фаулкнере и Ресселе, получивших нобелевскую премию. Оба очень талантливые люди. Первый (беллетрист), быть может, самый мрачный писатель в современной мировой литературе. Граф Рессель ... — замечательный философ. У меня в Нью-Йорке есть почти все его книги, — я покупал и изучал. ...»

Видимо, Бунин писал что-то Алданову о своих взглядах на поэзию, т. к. 19 марта 1952 года Алданов пишет: — «...Он¹⁸ в восторге от Ваших стихов ... Что-же делать, они все уверены, от Ремизова до Терапиано, что самое высокое и важное в литературе было это самое: Блок, Ремизов, Брюсов, петербургские «башни», московские салоны, «акмеизмы», «символизмы» и разные «откровения» вроде тех, о которых серьезно и очень подробно рассказывал талантливый и ненормальный Белый. (Его воспоминания много интереснее и его романов, и его стихов). Всё же мне кажется, что после Ваших воспоминаний уже не совсем так, как недавно, пишут, по крайней мере, о «Двенадцати» и «Скифах». Я же эти два шедевра всегда считал отвратительными и написал это о «Двенадцати» очень кратко в моей конфискованной книге «Армагеддон» (очень плохой) еще при жизни Блока...»

ПИСЬМА ВДОВЕ БУНИНА, ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ

Печальный период подведения итогов — болеет Алданов, стареет Вера Николаевна. Из переписки почти совсем исчезают литературные и отвлеченные темы.

Еще при жизни Ивана Алексеевича поднялся вопрос об его архиве. Алданов усиленно уговаривал Бунина продать архив в Колумбийский университет, но Бунин отказался. Дальнейшая судьба Бунинского архива, как и находившихся в нем писем самого Алданова, является темой нескольких писем — особенно двух последних писем Алданова, написанных незадолго до его смерти.

¹⁸ М. Карпович.

7 декабря 1953 Алданов пишет: — «...Всё это время перечитываю книги Ивана Алексеевича, а также его (и Ваши) письма ко мне. Обычно после этого иду к буфету и выпиваю для некоторого успокоения большой глоток коньяку. У меня есть письма только с 1940 года, всё старое досталось немцам. Да и между 1942 и 1945 г.г. письма ведь не доходили. Иван Алексеевич писал пером, без копий. Значит, его писем ко мне за двадцать лет с начала эмиграции до войны больше нигде нет. Это огромная потеря. Не знаю, сохраняли ли Вы мои письма...»

15 февраля 1954 Алданов возобновляет вопрос об архиве — видимо, этот вопрос его серьезно волновал. Свой архив он передал Колумбийскому университету. Для Веры Николаевны же представилась непредвиденная возможность исполнить желание покойного Бунина, чтобы его архив, рано или поздно, но хранился в России. Советские литературоведы засыпали Веру Николаевну письмами. Заинтересовались они и рукописями. Вера Николаевна стала понемногу передавать архивные материалы в Россию.

Естественно, что Алданова в особенности интересовал вопрос о судьбе написанных им Бунину писем. Но Вера Николаевна писем Алданова в Россию и не собиралась отсылать, она еще раньше наводила справки о возможности передачи Алдановских писем в Эдинбургский университет.

1 февраля 1957 (последнее письмо) Алданов пишет: — «...Таким образом всё в порядке. ... Уверен, что Вы меня переживете, но моих писем и тогда ни в коем случае большевикам не отдадите. Кстати, сохранились ли они у Вас? Ведь их было верно до тысячи, если не больше: считая за многие годы по одному письму дней в восемьдесят. Очень хотелось бы их перечесть, ведь вся моя жизнь в эмиграции прошла с Вами и с покойным Иваном Алексеевичем. Если сохранились, попрошу Вас дать их мне в Париже ...»

Усиленно побуждал Алданов Веру Николаевну написать биографию Ивана Алексеевича. В письме от 5 марта 1954 он пишет: — «...Хочу Вам сделать одно предложение, которое по моему много важнее вечеров. Очень советую Вам написать биографию И. А-ча. Вы лучше всех знаете его жизнь, знаете то, чего никто не знает и не будет знать. Поэтому это гораздо важнее, чем все статьи о нем и тем более, устные доклады с

общими местами. Это была бы долгая работа. Она будет Вам приятна. Судя по нынешнему положению, далеко нельзя сказать с уверенностью, что Чеховское издательство издало бы эту книгу. Может быть, оно вообще больше ничего покупать не будет... мы могли бы объявить предварительную подписку... Несколько глав наверное напечатало бы «Новое Русское Слово». Теперь же вся Ваша энергия и силы уходят на вечера. Что в вечерах? Что от них остается? (а статьи об И. Ал. будут писаться всегда). **Пропасть** Ваша книга никак, по-моему, даром не могла бы: так или иначе, рано или поздно, она будет напечатана. А если Вы не напишете, то многое уйдет с Вами: мы все уже стары. Но я имею в виду именно биографию, а не воспоминания. ...»

Вера Николаевна в это время уже писала свои воспоминания. 18 марта 1954 Алданов пишет: — «...Как хорошо, что Вы склонны написать биографию Ивана Алексеевича! То, что Вы плохо знаете время его молодости, никак не может быть препятствием. Во всяком случае, Вы ее знаете по его рассказам лучше, чем кто бы то ни было другой... Я помню например, что из гимназии он ушел тринадцати лет. Для дальнейшего Вам **очень** пригодятся Ваши дневники за долгие годы и письма его к разным людям...»

К концу 1956 года книга Веры Николаевны была почти готова, поднялся вопрос как же ее издать. В письме от 28 декабря 1956 Алданов пишет: — «...Для книг у нас остается только одна возможность: предварительная подписка.... Если Вы на это согласитесь, то лучше сделать это **немедленно**. Я с радостью обращусь за «рекламой» для Вас к «Новому Русскому Слову» или в «Русскую Мысль» к Водову..».

Книга Веры Николаевны Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» (1870-1906) вышла в Париже в 1958 году, уже после смерти Алданова.

Советовалась Вера Николаевна с Алдановым и относительно издания книг покойного Бунина: «Петлистых ушей», а главное посмертно изданной книги «О Чехове», к которой Алданов написал предисловие.

28 апреля 1955 Алданов пишет: — «...Я получил рукопись первой части книги. Читаю с волнением. Надеюсь написать и без второй части, однако это для меня большое препятствие. Вы наверное получите ее корректуру очень нескоро?»

Просто не знаю, как быть. Пожалуйста, пришлите всё, что еще найдете. Трудно и с книгами. В Ницце не оказалось ни «Чехова в воспоминаниях современников», ни даже писем Чехова... Из «Писем» мне нужен был бы хоть один том, тот, где чаще всего упоминается имя Ивана Алексеевича. И уж совершенно необходим мне **точный** текст той заключительной фразы из письма Чехова к Телешову, где говорится «Скажите Бунину» и т. д. (с датой)...

В последнем своем письме (от 1 февраля 1957) Алданов пишет о своем последнем романе: — «...Спасибо за то, что Вы говорите о «Самоубийстве». Роман печатается без авторской корректуры ... Вы и не ждите в романе Марии Федоровны. Я и Горького не вывожу, только упоминаю о нем. А интимные дела Андреевой, его и Морозова, конечно, меня и никого не касаются, я и в мыслях не имел их изображать. Я ее знал. Да, была красивая женщина. Я раз обедал с ней в Петербурге у Горького, в 1918 году, когда он был крайним врагом большевиков. Вы впрочем не говорите, что ждете в романе появления Марии Федоровны. Но другие мне пишут, что ждут. И спрашивают с кого писаны Джамбул, Люда, Ласточкины, Тонышевы и другие!!! Разумеется ни с кого. Когда появляется действительно существовавшее, хотя бы и не-историческое лицо, я его обозначаю настоящим именем, как, например, Савву Морозова...»

Осенью 1956 года в Америке справлялся юбилей М. А. Алданова. Об этом он пишет в письме от 12 октября 1956: — «...Сердечно Вас благодарю за добрые слова. Действительно мои похороны (юбилей ведь всегда похороны) назначены на 7 ноября. Об этом я получил письма от «Нового Русского Слова» и от С. А. Водова. А я не только не думал о чествовании, но и дату отказался сообщить, — они ее узнали не от меня, а верно из какого-нибудь словаря. Цвибак мне сообщил, что она им известна и что они готовят «специальный номер» и публичное собрание трех организаций!!! А Водов хотел устроить в Париже банкет, со всем, что полагается!!! Я обоим ответил одно и то же: приятным статьям буду искренне рад (что же врать: все писатели рады приятным статьям), но самым решительным образом возражаю против вечера или банкета или обеда. И тот, и другой тогда твердо обещали тако-

вых не устраивать. А статьи будут, — слышал, что принимаются редакциями...»

Чувствовал Алданов, что конец его близок. В новогоднем письме от 28 декабря 1956 он пишет: — «...Новый год, по крайней мере в теории, признается радостным днем, — люди ведь и шампанское пьют, — естественно и поздравлять. Напротив, большое у меня сомнение в том, нужно ли и можно ли писать письма в дни траурных годовщин...»

Немногим больше, чем на 3 года пережил М. А. Алданов Бунина. 1 марта 1957 года Вера Николаевна мне писала: — «Мы пережили только что потерю Марка Алексан. Алданова. Я никак не могу примириться еще с его уходом, ведь все тридцать лет эмиграции мы были в тесном общении или в переписке. Это было неожиданно, хотя мы знали, что у него после операции ... сердце стало хуже...»

Еще через 4 года не стало и Веры Николаевны.

Публикация и комментарии Милицы Грин